

Майкл Ардитти

МАГДА

**ПЕРЕВОД
ОЛЬГИ ВАРШАВЕР И ТАТЬЯНЫ ТУЛЬЧИНСКОЙ**

Варианты названия

Медея 1945
Медея Третьего Рейха
Медея в бункере
Медея в Берлине
Весна в бункере

Действующие лица

МАГДА ГЕББЕЛЬС
ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС
ЕВА БРАУН
МАРТИН БОРМАН
ЛЮДВИГ ШТУМПФЕГГЕР

Дети:
ХЕЛЬМУТ ГЕББЕЛЬС
ХЕЛЬГА ГЕББЕЛЬС

О персонажах

МАГДА ГЕББЕЛЬС: 43 года, среднего роста, волосы темно-русые, серо-голубые глаза; выглядит осунувшейся, но элегантно и сдержанна.

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС: 47 лет, маленький, хилый, с большой головой и острым носом; хромой; на левой ноге ортопедический аппарат.

ЕВА БРАУН: 33 года, небольшое личико, голубые глаза, светлые волосы с модной укладкой.

МАРТИН БОРМАН: 44 года, крупный, сутулый, низколобый, с бычьей шеей, мощными скулами и плоским носом; волосы темные.

ЛЮДВИГ ШТУМПФЕГГЕР: 30 лет, высок, широкоплеч, волосы светлые, внешность арийская. У этого образа несколько реальных прототипов среди медперсонала СС.

Место действия

Комната МАГДЫ ГЕББЕЛЬС на верхнем этаже бункера Гитлера в Берлине.

Дверь слева ведет в коридор: оттуда можно подняться в Рейхсканцелярию и выйти в сад возле Министерства иностранных дел или спуститься на этаж, где живут Гитлер и ЕВА БРАУН. Дверь справа ведет в детскую.

Стены свинцово-серого цвета, краска облупилась. Потолок низкий, с вентилятором. В центре комнаты — белый круг холодного света. По углам темно. Узкая односпальная кровать. Платяной шкаф. Комод с кувшином. Маленький деревянный раскладной стол. Простые деревянные стулья. Кто-то пытался украсить интерьер, развесив на стульях шали. На столе — ваза с нарциссами.

Сцены

Первая: 22 апреля 1945 года, 3 часа дня.
Вторая: 23 апреля 1945 года, 4 часа дня.
Третья: 29 апреля 1945 года, 2 часа ночи.
Четвертая: 30 апреля 1945 года, 3 часа дня.
Пятая: 1 мая 1945 года, 5 часов дня.
Шестая: 1 мая 1945 года, 8 часов вечера.

Между второй и третьей сценами антракт.

Историческая справка

Хотя в некоторых мелочах автор погрешил против реальной хронологии (к примеру, Гитлер отдал приказ отравить свою собаку после, а не до бракосочетания), основные события, отраженные в пьесе, исторически достоверны. Тем не менее, трактовка их — авторская.

Сцена первая

*МАГДА и ЕВА стоят в круге света посреди комнаты.
На кровати — маленький потертый кожаный чемодан.
МАГДА осматривается.*

МАГДА Цветы...

ЕВА Нравятся?

МАГДА Но откуда? Где вы их взяли?

ЕВА Просто хотелось, чтобы вам было уютно.

МАГДА Наверно единственные цветы на весь Берлин.

ЕВА Чувствуйте себя как дома.

МАГДА Дома у нас больше нет. Мы ночевали под открытым небом около Министерства, точно цыгане. Цыгане... о, боже!

ЕВА Пусть цветы напоминают о доме. Хоть и бывшем...

МАГДА Вы очень добры. Нарциссы прекрасные.

ЕВА Долго не простоят. Дня два... Если повезет — три.

МАГДА Дольше и не надо.

ЕВА Ой, я придумала! Пусть дети нарежут гирлянды из промокатальной бумаги. Заполним бункер цветами!

*МАГДА тяжело опускается на кровать.
ЕВА суетится вокруг.*

ЕВА Я ужасно рада, что вы приехали. Так ждала, прямо минутки считала: ну когда же, когда...

МАГДА Мы долго искали бензин. Пешком бы и то скорее дошли.

ЕВА Здесь одиноко... Теперь будет с кем поболтать. Поженски.

МАГДА Разве фюрер отослал своих секретарш?

ЕВА О чем с ними говорить? Слишком молоденькие. И слишком смазливые.

МАГДА Неужели ревнуете? *(ЕВА не отвечает)* Напрасно.

ЕВА Тут полная изоляция. Как в тюрьме.

МАГДА Ну, вид у вас вовсе не тюремный, а вполне цветущий.

ЕВА А знаете — ведь я счастлива! Фюрер все притворялся, что не хочет видеть меня в Берлине. Отправил в Бергхоф. Чепуха, мужские игры... Но теперь я здесь, и мы по-настоящему близки. Он готовит победный рывок, и мое место — рядом! Во имя победы!

МАГДА Какой фанатизм. Вам следовало стать монахиней. *(пауза)* Когда вы в последний раз выходили из бункера?

ЕВА Вчера. Или позавчера? Тут теряешь счет дням. Я поднималась в Канцелярию.

МАГДА А на улицу выходили?

ЕВА Мне нельзя. Фюрер не разрешает.

МАГДА Значит, вы понятия не имеете, что там делается. По улицам не проехать. Машина еле ползет, и это самое ужасное, потому что успеваешь рассмотреть... Сточные канавы забиты трупами... Женщины рыдают... На фонарях болтаются дезертиры... Пришлось отвлекать детей. Я придумала игру: кто первый посмотрит в окно, тот проиграл. Разумеется, Хельга не выдержала. “Мама, почему мертвые висят в воздухе?” Я объяснила, что снимают кино. “Понятно”, — говорит. И усмехается. Не знаю: поверила или просто решила не спорить.

ЕВА Совсем большая уже.

МАГДА Двенадцать лет. Со мной разговаривает то презрительно, то вызывающе. В общем, папина дочка.

ЕВА Я пойду, наверно... Вам надо вещи распаковать, обустроиться. В бункере уют не создашь, но каждый старается, как может. Простите, что поселили вас с доктором Геббельсом на разных этажах. Детям тут удобнее, а доктор нужен внизу.

МАГДА Все правильно. Он — при фюрере. Я — при детях.

ЕВА Ах, это божий дар! *(встречает пристальный взгляд МАГДЫ)* Бог даровал вам шесть прелестных детей.

МАГДА У этого дара есть оборотная сторона. С некоторых пор... Кстати, детей у меня семь. Еще Харальд. От первого брака.

ЕВА Ну конечно, Харальд! Никогда его не видела, но уверена, что тоже красавчик.

МАГДА Красавчик. Во всяком случае, был. А сейчас... кто знает. Он в плену. В лагере для военнопленных в Италии.

ЕВА Ох! Какое горе!

МАГДА Напротив, он в безопасности.

ЕВА Фюрер так ждет встречи с детьми!

МАГДА Первое, что они спросили, узнав, что мы едем в бункер: можно ли привезти фюреру подарки. Всю прошлую неделю мастерили. Но в день его рождения была такая бомбежка — на улице не высунуться.

ЕВА А мы устроим еще один день рождения — сегодня за чаем.

МАГДА Для детей бункер — целое приключение. А уж спать на двухъярусных кроватях! Хайда и Хедда, конечно, злятся *(подражая детскому голосу)*: “Не хотим внизу!” Но вы же младшие, отвечаю я, вдруг свалитесь? А они наперебой: “Это нечестно! Мы всегда будем младшими. Даже когда нам будет сто лет. Или тысяча! Роди нового ребеночка! Пусть он будет младшим”. Тут Хельга вмешалась: “Детей рожают не для этого”. Я насторожилась — в этом возрасте бывают всякие завиральные идеи. Спрашиваю: “Для чего же рожают детей, Хельга?” А она: “Чтобы дети могли умереть за фюрера!” И та-а-ак на меня глянула! Обожгла взглядом...

ЕВА озирается.

ЕВА А где ваши вещи? Я прикажу — принесут.

МАГДА *(указывает на чемодан)* Это все.

- ЕВА А одежда?
- МАГДА На мне. Больше и не надо.
- ЕВА У вас ведь на каждый случай особый наряд...
- МАГДА На случай бункера наряда не оказалось.
- ЕВА Вы всегда так элегантны. Другие жены вам в пометки не годятся.
- МАГДА Что ж, скоро буду самым элегантным трупом Германии.
- ЕВА Нет-нет, нельзя терять надежду. Это предательство!
- МАГДА Русские у ворот Берлина. Какое предательство? И какая надежда?
- ЕВА Я просто стараюсь не унывать. Ради фюрера. Вот вы всегда считали, что я ему не пара. Не отнекивайтесь! Я помню все ваши колкости: рядом с фюрером — продавщица! Вы-то мечтали женить его на ком-нибудь из своих, из аристократок. Да и себе не прочь были заполучить.
- МАГДА В отличие от вас, я была замужем.
- ЕВА Потому и бесились. Я все понимала — не дура. Но нам теперь коротать время вместе — пока наши не прорвут окружение. Может, попробуем подружиться?
- МАГДА Подружиться? Да, конечно. Я только за. (*берет ЕВУ за обе руки*) Я уже и не помню, когда у меня была подруга... Но фюрер прав — вам здесь не место. Бегите, пока еще есть шанс. Мне-то и носа не высунуть — тут же узнают. А вас не узнает никто.
- ЕВА В том-то и дело! Я хочу, чтобы меня тоже узнавали. Когда мы жили наверху, в Канцелярии, я ходила с черного хода, со слугами. Под видом секретарши. А у меня и блокнота отродясь не было. Просто Ева! Какая Ева? Что за Ева?
- МАГДА Вот и оставайтесь просто Евой. Бегите отсюда!
- ЕВА В детстве я любила выведывать чужие секреты. А теперь сама превратилась в тайну. Государственную!

МАГДА Пожалуй, вы одна на всю Германию еще способны улыбаться. Даже меня рассмешили. Вот, видите... видите... я улыбаюсь. Спасибо. Я думала — разучилась. *(из детской доносится шум)* Вот и все. Уже не улыбаюсь.

ЕВА А дети, похоже, довольны.

МАГДА Я стараюсь. Пусть их жизнь идет своим чередом. Чтобы не заподозрили, зачем их сюда привезли.

ЕВА Как зачем? Сейчас это самое надежное место в Берлине. А потом вы отправите их из города.

МАГДА И как, по-вашему, их отправить?

ЕВА Завтра отсюда уйдет большая группа. Среди них Анна, моя служанка. Будет пробираться на ферму к родителям, это неподалеку от Мюнхена. Она готова взять детей. Человек очень преданный, дети будут с ней в безопасности.

МАГДА Все шестеро?

ЕВА Ферма большая, места хватит.

МАГДА Благодарю вас. Но — не стоит беспокоиться. У нас с доктором другие планы.

ЕВА Вот и прекрасно! Чего ж вы сразу не сказали? Какие планы?

Входит ГЕББЕЛЬС.

МАГДА Что случилось? Ты так побледнел...

ГЕББЕЛЬС Ты не представляешь... ты даже не представляешь. *(замечает ЕВУ)* Фройлен! *(небрежно целует ей руку)* У меня нет слов...

МАГДА Ну, если слова кончились даже у Йозефа — страна точно обречена.

ГЕББЕЛЬС Фюрера больше нет.

ЕВА Он... умер??

ГЕББЕЛЬС Хуже, чем умер. Твердит о предательстве и поражении.

ЕВА Слава господу — жив!

ГЕББЕЛЬС Однако, желает умереть. Причем сегодня же.

ЕВА Он просто удручен. Это пустые угрозы. Мне срочно надо к нему.

ГЕББЕЛЬС Не торопитесь. Я его успокоил. Он согласился жить до пятого мая. (МАГДА смотрит на ГЕББЕЛЬСА вопросительно) День смерти Наполеона.

МАГДА Но у меня с собой только одно платье.

ГЕББЕЛЬС Какое несчастье, Магда! Неужели фюрер должен отсчитывать дни своей жизни по количеству твоих платьев?

ЕВА Фюрер будет жить! У него переменчивое настроение, сами знаете.

ГЕББЕЛЬС Дело не в настроении. Он мечется, как зверь в клетке. В довершение выяснилось, что Геринг ведет переговоры с врагом. И все! Для фюрера он — главный враг! Арестовать и расстрелять! Смерть предателю!

МАГДА Геринг — не предатель. Наоборот, он спасает остатки страны. Понимает, что Берлин не удержать.

ЕВА Почему не удержать? К нам идет подкрепление!

ГЕББЕЛЬС Не слушайте мою жену, она переутомилась. Тревожится за детей. Иди к ним, Магда, ты им нужна.

МАГДА Нет, Йозеф, не сейчас. Это выше моих сил.

ЕВА Я пойду к детям. Мы договорились играть в прятки. Как хорошо, что вы все тут! С детьми в бункер пришла надежда! (уходит в детскую)

ГЕББЕЛЬС А с ней в бункер пришло отчаянье. Все так и поняли: он ее вызвал — значит, конец, война проиграна. Ангел смерти...

МАГДА А она счастлива. Любимый человек рядом, принадлежит ей безраздельно...

ГЕББЕЛЬС Пиши оперетки, у тебя получится.

Из детской выбегают ХЕЛЬМУТ и ХЕЛЬГА.

ХЕЛЬГА Папочка! Папа!

ГЕББЕЛЬС Как поживает лучшая на свете девочка?

МАГДА Йозеф. У нас все лучшие.

ХЕЛЬГА Тетя Ева сказала, что ты пришел.

МАГДА Хельга, беги, помоги тете Еве. Ей с твоими сестрами не справиться.

ХЕЛЬГА Она справится. Сегодня все послушные. Хильда сказала, что готова жить под землей, лишь бы вместе с папочкой.

ГЕББЕЛЬС (МАГДЕ) Бери пример...

ХЕЛЬГА А Хайда сказала: “Хочу быть с папой и дядей фюрером. Они мои самые любимые на свете”.

ХЕЛЬМУТ А мне в этом подземелье противно. Жарко тут.

МАГДА Кто-то, когда вырастет, собирался стать машинистом метро...

ХЕЛЬМУТ Да, я стану машинистом!

ГЕББЕЛЬС Что? С каких это пор?

МАГДА Йозеф, не заводись.

ГЕББЕЛЬС (ХЕЛЬМУТУ) Почему мне не сказал?

ХЕЛЬМУТ Говорил я...

МАГДА (ГЕББЕЛЬСУ) Ты, как всегда, пропустил мимо ушей.

ГЕББЕЛЬС Мой сын — машинист?

ХЕЛЬМУТ Ну пап!

МАГДА Ему девять лет! И вообще, об этом можно уже не волноваться...

ХЕЛЬГА Я на твоём метро ездить не буду. Я больше под землю не полезу. Тут воняет.

ГЕББЕЛЬС (ХЕЛЬГЕ) Это канализация. Прямо у нас над головой течет по трубам берлинское дерьмо.

ХЕЛЬГА Я хочу домой! *(начинает плакать)*

МАГДА (ГЕББЕЛЬСУ) Большое тебе спасибо. (ХЕЛЬГЕ) Милая, ничего страшного, просто пахнет сыростью. А трубы железные, ни капли не просочится.

ХЕЛЬГА А вдруг упадет бомба и трубы лопнут?

ГЕББЕЛЬС Тогда будет не до труб. Взорвемся, и все.

МАГДА Бомба не упадет! Мы же тут с дядей фюрером. Нас защищают все солдаты Берлина. Бегите к себе, я скоро приду. *(выталкивает ХЕЛЬГУ и ХЕЛЬМУТА за дверь, в детскую)* Огромное человеческое спасибо. Обеспечил детям спокойный сон.

ГЕББЕЛЬС Может еще ватой их обложишь, чтоб помягче было?

МАГДА И помягче, и потеплее. Холодно тут. Утром все с насморком встанут.

ГЕББЕЛЬС Как ты сама справедливо заметила, об этом можно уже не волноваться.

МАГДА О боже... Я не смогу! Неужели нельзя иначе?

ГЕББЕЛЬС Что ты предлагаешь? Оставить их на милость евреям?

МАГДА Почему только евреям? Нас победили англичане, американцы, русские...

ГЕББЕЛЬС Все они на содержании у евреев! Одних скупили еврей-большевики, других — еврей-толстосумы. На какую милость можно рассчитывать? Этот народец живет по принципу “око за око, зуб за зуб”. Грехи отцов ложатся на детей!

МАГДА Твои грехи раздавят детей насмерть.

ГЕББЕЛЬС Да ты Библию почитай! Евреи только и делают, что убивают детей. Авраам, Иеффай, Ирод...

МАГДА Авраам не убил Исаака. Ему подсунули барашка.

ГЕББЕЛЬС Опять пререкаешься? Мы тысячу раз все обсудили, взвесили, ударили по рукам!

МАГДА По рукам? Ты что, на рынке? Речь о жизни наших детей!

ГЕББЕЛЬС Речь о том, что завтра тут будут евреи. У какой еще расы священники режут скот? Кто еще калечит собственных сыновей при рождении? Только представь, что они сделают с нашими детьми!

МАГДА Довольно! Ты прав, знаю. Но от этого не легче.

ГЕББЕЛЬС Мне, по-твоему, легче?

МАГДА Да, тебе легче. Раньше я думала, что тебе нужна только победа. Не столько победа Германии, сколько твоя собственная — победа Йозефа Геббельса.

ГЕББЕЛЬС Не вижу принципиальной разницы.

МАГДА Фюрер в награду разрешил бы тебе, наконец, развод. Ты перебираешься к любовнице — той, что окажется под рукой, а мне остается благочестивая монашеская жизнь... Но теперь я понимаю, что ты и поражение обратишь в свою победу. Ты пойдешь с фюрером до конца. Не Гиммлер, не Риббентроп, не Геринг. Останется только один верный сподвижник — Геббельс!

ГЕББЕЛЬС Мы с фюрером — родственные души. Мы оба — люди искусства! Он работает кистью, а я — пером.

МАГДА Однако шедеврами мир не потрясли... только взрывами бомб... прости за каламбур...

ГЕББЕЛЬС Спасибо, Магда. Хорошие жёны хвалят и поддерживают мужей. А ты... Все пятнадцать лет нашего брака ты меня унижала. Перед фюрером дураком выставяла... Знаешь, из-за кого мы войну проиграли? Из-за тебя!

МАГДА Договорился.

ГЕББЕЛЬС Хорошо, тогда ответь: кто у нас лучший военный стратег?

МАГДА Я не запоминаю фамилии генералов, сам знаешь.

ГЕББЕЛЬС Да я лучший стратег! Я!

МАГДА Ты в бою-то ни разу не был.

ГЕББЕЛЬС На поле боя не был. Но исход боя решается здесь (*стучит пальцем по лбу*). А кто побежал к фюреру со списком моих якобы прегрешений? Из-за кого я попал в опалу на пять лет? Если б не ты, я бы спас страну! Из-за тебя все мы в дерь...

Входит БОРМАН.

МАГДА Кстати, о дерьме.

БОРМАН О чем это вы, фрау Геббельс?

МАГДА О канализации. Мы с доктором как раз сетовали на дурной запах. Совсем рядом дерьмо плещется.

БОРМАН Нормальный запах. Я человек деревенский, на земле работал, мне навоз не помеха.

МАГДА И кровь — не помеха?

БОРМАН Какая кровь?

МАГДА Та, что на бойне льется.

БОРМАН А я на молочной ферме работал. Титьки коровьи мял. Доил вот этими руками... Меня прислал фюрер. Он хочет приветствовать вас лично.

МАГДА Иду сию же минуту. (*направляется к двери*)

БОРМАН Умылись бы сперва, что ли. Видок у вас с дороги того... как бы повежливее... чумазый...

МАГДА Йозеф, тут даже зеркала нет.

ГЕББЕЛЬС Зачем тебе зеркало? Просто ополосни лицо.

МАГДА наливает воду из кувшина в тазик.

Умывается и вытирает лицо тряпичей.

МАГДА Вода ледяная!

БОРМАН За дверью адъютант, он отведет вас к фюреру. И мой совет вам обоим: помните — сейчас не тридцать пятый год, а сорок пятый. Мир не стоит на месте.

МАГДА Неужели?

БОРМАН Прошло то времечко, когда ваш дом был для фюрера единственным убежищем. Теперь у него есть и дом, и кров, и защитник. Это я, Борман. Не вздумайте мне дорогу перейти. *(МАГДА окидывает его холодным взглядом, выходит)* Скажу прямо, доктор: мы не всегда ладили...

ГЕББЕЛЬС Скажу еще прямее, Борман: мы никогда не ладили.

БОРМАН А пора бы. Мы же соратники. Только двое нас и осталось, по-настоящему преданных фюреру. А момент критический. Город в осаде. Уличные бои... Но надежда есть. Если генерал Венк удержит противника до прибытия подкрепления, мы спасены.

ГЕББЕЛЬС Вы слишком долго просидели в норе, Борман. И слишком доверяете генералам, которые давным-давно предали фюрера. Наша главная ошибка в том, что в тридцать третьем году мы не ликвидировали все верховное командование поголовно. Увы, когда берешь власть законным образом, руки связаны...

Из детской выходит ЕВА.

ЕВА Доктор, вас зовет Хайда. *(замечает БОРМАНА)* Ой, простите... А почему вы не у фюрера? Вы же вечно там торчите, каждое словечко в блокнотик записываете.

БОРМАН Не в блокнотик, а в протокол, фройлен Ева. Да, у меня все записано. И про вас — много интересного... Фегеляйна не видели?

ЕВА Нет. Зачем он вам?

БОРМАН Пропал он. Я думал, вы что-нибудь знаете. Вы же с ним — как шерочка с машерочкой.

ЕВА Он мой зять, муж моей сестры.

БОРМАН Ну и что? Вот я с родственниками по углам не шушукаюсь.

ЕВА Это ваше личное дело.

БОРМАН Правда, среди них не водится таких красавцев, как генерал-майор Фегеляйн.

ЕВА Не понимаю, о чем вы. Я пойду обратно к детям, у вас тут свои разговоры.

БОРМАН Смотрите, доктор, какая милашка! Тут жарница, как в борделе, с меня пот градом, а эта свежа, будто цветок. В чем секрет-то, признавайтесь?!

ЕВА Борман, что вам от меня надо? Говорите! Или оставьте в покое.

БОРМАН Советую со мной не ссориться, фройлен Ева. Лучше помогите — глядишь, и я вам помогу.

ЕВА Я вашей помощью по горло сыта.

БОРМАН Фюрера могу спасти только я. А уговорить его можете только вы. Пусть доктор останется в Берлине — руководить обороной. А мы трое, пока дороги не перекрыты, должны бежать. В Альпы!

ЕВА Вы говорите так, словно все потеряно. А вот доктор так не считает. На прошлой неделе он объявил нации: фюрер в Берлине, сражается во главе армии!

БОРМАН Кто сражается? Какая армия? Фюрер засел в кабинете, задницу от стула оторвать не может.

ЕВА Доктор, повторите свои слова. Они вселили надежду в людей. И в самого фюрера.

ГЕББЕЛЬС отворачивается.

БОРМАН Вы что же, приняли это вранье за чистую монету? Такое для народа говорится, не для нас.

ЕВА А мы разве не народ?

БОРМАН Мы — не народ. Мы — вожди!

ЕВА Доктор, скажите ему!

БОРМАН Валяйте, доктор, послушаем.

ГЕББЕЛЬС Фюрер должен остаться в Берлине и принести последнюю жертву во имя нашего дела — ибо оно выше, чем жизнь одного человека. Даже фюрера... Национал-социализм родился на крови. Пусть он освятится самой чистой на свете кровью!

ЕВА *(после паузы)* Вы еще хуже Бормана! *(БОРМАН хохочет)* Я никогда вам не доверяла. И правильно делала.

БОРМАН Ну вот что: предлагаю перемирие. Пока идет война, нам никуда друг от друга не деться.

ГЕББЕЛЬС После войны — тем более. В историю мы будем вписаны вместе. Так проявим стойкость до конца! Посеем семена будущего! Вдохновим своим подвигом детей и внуков! *(запнувшись)* По крайней мере...

ЕВА Как же мы вдохновим, если все умрем?

ГЕББЕЛЬС Останутся свидетели — секретарши, адъютанты, слуги... Мы обязаны сохранить великую идею. Города можно отстроить, солдат — родить новых. Но идея — материя хрупкая. Фюрер обессмертит ее своей жертвой. Мы последуем его героическому примеру. Мы пойдем на растопку — но пламя национал-социализма будет сиять вечно!

ЕВА Как же оно будет сиять, если мы проиграем войну?

ГЕББЕЛЬС Поражение наша идея переживет. А вот капитуляцию — никогда! Именно сейчас — решительный момент. Через сто лет о бункере снимут фильм, поставят спектакль... Сыграем же наши роли достойно. Пусть весь мир увидит нас на экране или на сцене, пусть рукоплещет!

ЕВА Дура я дура... Надеюсь, вы отговорите фюрера... и он будет жить. А вы, наоборот, в могилу толкаете...

ГЕББЕЛЬС Ваша проблема — наша общая проблема — в том, что мы воспитаны на христианской морали. Для нас самоубийство — грех. А ведь это священная жертва! Разве морален Муссолини, который отказался принять яд при аресте? Трус, которому жизнь дороже

идеалов? Лично я буду счастлив отдать за партию жизнь! Причем не только свою...

ЕВА (вглядывается в него) Чью же еще?

БОРМАН А как быть, если твой идеал — сама жизнь? Твоя собственная? Я, конечно, не о себе говорю... я о дуче...

ЕВА (настойчиво) Чью жизнь вы готовы отдать?

ГЕББЕЛЬС Неважно.

ЕВА А детей вы сюда зачем привезли?

ГЕББЕЛЬС Куда же их деть?

ЕВА В деревню. В безопасное место. Им-то зачем быть свидетелями вашей смерти?

ГЕББЕЛЬС Не просто свидетелями. Участниками! Неужели я лишу своих детей посмертной славы? Их жребий — умереть, и он неминуем.

ЕВА Какой еще жребий, они дети малые! Хедде четыре годика. Хайде семь. Даже Хельге, вашей любимой Хельге всего двенадцать. Они должны жить!

ГЕББЕЛЬС Позвольте мне самому решать, что должны делать мои дети.

ЕВА А за фрау Геббельс тоже вы решаете?

ГЕББЕЛЬС У нас с супругой полное единство взглядов.

ЕВА Нет. Не верю... Ну скажите, что вы пошутили! Шестеро деток... Не может быть! Она ничего не сказала...

ГЕББЕЛЬС Прошу вас, вас обоих, уважать ее молчание. Наше решение твердо — отговаривать бесполезно. Вы лишь усилите наши муки.

ЕВА Но дети ни в чем не виноваты!

ГЕББЕЛЬС Невиноватых в Германии больше нет. Фюрер предан, в измене замешаны все. Мои дети, по крайней мере, имеют шанс испкупить вину. И никто у них этот шанс не отнимет...

В комнату возвращается МАГДА.

МАГДА Что это вы замолчали?

ГЕББЕЛЬС Я объяснил, почему дети привезли только по одной игрушке.

МАГДА *(смотрит на ЕВУ, та отворачивается)* Фюрер просит, чтобы я привела их к нему после чая. Надо их умыть. *(смотрит на БОРМАНА)* А то явятся чумазые... Йозеф, фюрер ждет вас с Борманом в кабинете. Все помощники уже там, обсуждают новости о Гиммлере.

БОРМАН А кто же записывает? Каждое слово фюрера надо протоколировать! Потомки спасибо скажут.

МАГДА Борман, вы неспособны предвидеть будущее, воображения не хватает. Бог обделил.

ГЕББЕЛЬС Идемте, Борман? *(оба выходят)*

МАГДА Здесь ужасно душно.

ЕВА От Бормана несёт — не продохнуть.

МАГДА Не знаю, как вы его выдерживаете.

ЕВА А я крепкая — много чего могу выдержать. Но этот... Мечтает заложить меня с потрохами, от фюрера оттереть.

МАГДА Не осмелится.

ЕВА Да запросто. Не может пережить, что у фюрера есть кто-то ближе него. Сам-то в постельных делах не промах, любовниц даже не скрывает, а детей наплодил кучу, и жена бедная одна с ними мается. Как это можно — бросить семью ради жалкой дешёвки? Ой, простите...

МАГДА Bravo, фройлен Ева. Умеее всадить кинжал под ребра.

ЕВА Я вовсе не имела в виду... это все духота... Простите, ради бога.

МАГДА Не извиняйтесь. Я привыкла. Живешь-живешь с этой болью, и она притупляется.... С Борманом-то все ясно. А вот что вы знаете о Йозефе? О его жалких дешёвках?

ЕВА Ничего не знаю. Честное слово. Только слухи, глупые слухи, и повторять не хочу.

МАГДА Да ладно, не стесняйтесь! Вы ведь были в Бергхофе, когда я сообщила фюреру о связи Йозефа с этой чешской проституткой... И попросила разрешить развод.

ЕВА Фюрер меня тогда из резиденции выставил, разве не помните? Неловко же — судить доктора за любовницу, а свою под боком держать.

МАГДА Простите. Теперь я на большую мозоль наступила...

ЕВА Да, это больно... унижительно.

МАГДА Еще бы. Но в вашем случае хотя бы треугольника не было, никто не страдал. Зато в нашем... сплошные острые углы. Йозеф умолял закрыть на все глаза, как положено “доброй женушке”. Чуть ли не свечку над ними держать... А когда я отказалась, заявил, что я ему мщу. Сама забыла, кричит, что такое молодость, страсть и мой век заедаешь... Мне было всего тридцать шесть лет! (*бункер содрогается от взрыва — где-то там, наверху*) Они всё ближе.

ЕВА Может, еще далеко. Под землей звуки обманчивы. Что-то с физикой, я в этом не разбираюсь...

МАГДА Господи, пусть всё скорее закончится.

ЕВА Закончится, как же иначе... Скажите, фюрер что-нибудь объяснил? Какой у него план?

МАГДА Не объяснил.

ЕВА Мне тоже не говорит. Не хочет обременять. Но я здесь как раз для этого! Пусть обременяет! Нет, все-таки, что он сказал?

МАГДА Едва ли пару слов. Сначала я даже подумала, что он меня не узнал. Смотрит как будто мимо. И такие глаза... Как они раньше

сияли! А теперь потухли. Взгляд старика. Всего за пару месяцев страшно сдал... Весь серый, безжизненный.

ЕВА Тут освещение плохое. Все кажется серым.

МАГДА А потом его затрясло, чуть со стула не упал. Поднес мою руку к губам и — уронил. Я, признаться, не очень расстроилась: изо рта у него текут слюни. А на пиджаке — жирные пятна. Почему вы позволяете ему ходить в таком виде?

ЕВА Он не выносит, когда к нему прикасаются. Никогда не давался, но сейчас это вообще — навязчивая идея.

МАГДА Глаза открыты, но скорее спит, чем бодрствует.

ЕВА А ночью, наоборот, совсем не спит.

МАГДА Врачи не предлагают успокоительное? Снотворное?

ЕВА Врачам он не доверяет. У него теперь все — агенты Гиммлера или Геринга, и все его хотят отравить.

МАГДА Больную собаку и ту усыпляют, чтобы не мучилась... Неужели человек хуже собаки?

ЕВА (с нажимом) Или ребенок?

МАГДА Или ребенок.

ЕВА Собака не может изменить свою судьбу. А человек может. У нас есть надежда.

МАГДА Какая надежда? Война проиграна.

ЕВА Все равно отчаиваться нельзя. Фюрер всегда говорил, что, когда он выиграет войну, Черчилля не казнит, а просто посадит под замок. Пусть сидит до конца жизни и пишет картины. Может, Черчилль тоже поступит с нами благородно?

МАГДА Надеетесь на тюрьму с позолоченными решетками, с видом на Альпы?

ЕВА Наполеона сослали на остров Святой Елены, а кайзера в Голландию...

МАГДА Вы слишком наивны.

ЕВА Почему? Ну, объясните! По дружбе.

МАГДА Мы натворили много ужасного. Одни евреи чего стоят.

ЕВА Ой, я в этом ничего не понимаю. Ни одного еврея в жизни не видела. Фюрер их не любит, это правда. Кстати, Гретель, моя сестра, говорит, что в Мюнхене их и не осталось почти. Всех отправили на Восточный фронт. И славно! Наконец-то принесут пользу стране.

МАГДА Вы и вправду ничего не знаете? Вы слышали про такое место: Аушвиц? А про Бухенвальд?

ЕВА Аушвиц — это где Наполеон победил? Я помню, как фюрер изучал план военных действий.

МАГДА Наполеон победил при Аустерлице. А про Аушвиц спросите фюрера. И внимательно выслушайте ответ.

ЕВА Ладно, спрошу. Но сначала вы расскажите.

МАГДА Мне вы не поверите.

ЕВА *(расхаживает по комнате)* Даже если там что-то нехорошее... Вас-то за что наказывать? Допустим, англичане арестуют фюрера... и доктора... а вы тут причем?

МАГДА Я верила в фюрера. И в доктора. Я купалась в лучах славы Третьего Рейха. Я закрывала глаза на все ужасы. Нет, хуже, иногда приоткрывала и кое-что видела. Я виновата.

ЕВА Ну, тогда надо всю Германию наказать.

МАГДА После той, первой, войны всю страну и наказали... А меня и подавно накажут. Как бы я ни относилась к мужу, даже после всего ужасного, что он натворил... со мной и с другими... я — жена Йозефа Геббельса. И у нас одна судьба.

ЕВА А дети? Им тоже надо разделить вашу судьбу?

МАГДА Почему вы спрашиваете?

ЕВА Доктор обмолвился, а у меня в голове не укладывается...

- МАГДА Зато в голове у Йозефа все прекрасно укладывается.
- ЕВА Он способен убить собственных детей? И вы позволите?
- МАГДА Он не имел права рассказывать. Он обещал.
- ЕВА Это единственное, что вас волнует? Что он нарушил обещание?
- МАГДА Я знаю, что вы обо мне думаете. Поверьте, если бы был выход, хоть какой-то... но выхода нет. Я измучилась, спорила сама с собой, с Йозефом, хваталась за любую соломинку... Только сейчас я поняла, что значит быть матерью. Они — мои дети. Я привела их в этот мир. И я должна их освободить.
- ЕВА Я сейчас же иду к фюреру. Он обожает ваших детей.
- МАГДА Да поймите, я их люблю неизмеримо больше. Именно поэтому другого выхода нет.
- ЕВА Хорошенький выход — убить!
- МАГДА Не произносите этого слова!
- ЕВА Каких еще слов вам надо? Усыпить? Они не щенки!
- МАГДА Я не могу отдать их в руки врага.
- ЕВА А ваши руки лучше? Чем?
- МАГДА Не мучайте меня!
- ЕВА А детей, значит, мучить можно? Послушайте, выход есть. Отправьте их с Анной. Ферма далеко в горах. Детям гарантирована безопасность. Через два дня они будут бегать по лугу, играть, дышать свежим воздухом!
- МАГДА А вы жестоки... Ну хорошо, предположим, дети выжили — о боже, боже... Какая им уготована жизнь? Отец мой развелся с матерью, когда мне было три года. Я росла под горькие стенания обманутой, преданной женщины. Одной женщины. А мои дети будут расти под стенания всей страны. На что им надеяться с этой фамилией? С этим черным клеймом? С отцом-преступником и матерью — соучастницей преступлений? *(ЕВА не отвечает)* Я

тронута вашим вниманием. Честно. Спасибо. Но Йозеф меня убедил. Мы должны... должны помочь им уйти.

ЕВА Но мне он говорил другое. Совсем другое! Что он пожертвует детьми во имя партии. Вот сейчас говорил, десять минут назад, при Бормане.

МАГДА Вы просто не поняли. Даже Йозеф не станет лгать на такую тему.

ЕВА Он сказал, что пожертвует не только своей жизнью, но и жизнью тех, кого любит, во имя идеи.

МАГДА Нет, простите, не верю. Йозеф на многое способен, но... Мы вместе взвешивали все варианты, анализировали любой ход событий... Мы делаем это ради детей. Не для партии, не для идеи. И даже не для фюрера. Только для детей.

ГЕББЕЛЬС (*входит*) Бред какой-то. Фюрер прервал конференцию на полуслове и послал за Хельмутом.

МАГДА За нашим Хельмутом? Зачем?

ГЕББЕЛЬС Понятия не имею. Нас всех выставили вон. Наверно, назначит его главнокомандующим.

МАГДА Ему всего девять лет!

ГЕББЕЛЬС Шутка, Магда, шутка. Хотя... если так дело пойдет... докатимся до чего угодно.

МАГДА Послушай, Йозеф. Мне надо кое-что у тебя спросить.

ГЕББЕЛЬС Спрашивай.

МАГДА Фройлен Ева говорит, что без меня вы обсуждали судьбу детей...

ГЕББЕЛЬС И что?

МАГДА Ты мне клялся, что мы действуем только ради их блага. Чтобы из них не сделали козлов отпущения...

ГЕББЕЛЬС Все сначала, Магда?

МАГДА А теперь говоришь, что это во имя партии, во имя идеи.

ГЕББЕЛЬС Если можно убить двух зайцев одновременно, почему нет? Даже лучше. Мы служили партии всю жизнь, послужим и после смерти.

МАГДА Ты переписываешь прошлое, Йозеф, это не новость. Но ты и будущее хочешь переписать?

ГЕББЕЛЬС Какое будущее ждет детей без национал-социализма? В мире, лишенном всего, что нам дорого? Я их от этого избавлю.

МАГДА И что дашь взамен?

ГЕББЕЛЬС Гордость за отца. Они умрут, зная, что его место — по праву — рядом с фюрером. Так мы войдем в историю.

МАГДА Ясно.

ГЕББЕЛЬС Смерть детей — наш с тобой звездный час. Перед нами распахнутся двери в вечность. Мы с тобой — просто парочка трупов, но над детьми зарыдает даже Черчилль.

ХЕЛЬМУТ (*вбегает*) Мама! Папа! Что я сейчас видел!...

ГЕББЕЛЬС Хельмут! Как следует входить в комнату?

ХЕЛЬМУТ Все помню, но я такое видел!

ГЕББЕЛЬС Выйди и войди снова. Ты цивилизованный человек.

ХЕЛЬМУТ неохотно выходит.

Возратившись, кланяется ЕВЕ, МАГДЕ, а затем ГЕББЕЛЬСУ.

ХЕЛЬМУТ Можно обратиться, папа?

ГЕББЕЛЬС Разумеется, мальчик мой. Что случилось?

ХЕЛЬМУТ Дядя фюрер показал мне макет идеального города! С мостами, школами, и замок там есть! Все можно переставлять — куда хочешь. А потом вернуть в правильное место, иначе жители заблудятся. Когда война кончится, дядя фюрер построит этот город взаправду, а модель мне отдаст. Только она в мою комнату не влезет. Можно мне поменяться комнатами с Хельгой и Хильдой? В их комнату влезет.

ГЕББЕЛЬС Поживем-увидим, сынок. Беги-ка к сестрам. Они уже чай пьют.

ХЕЛЬМУТ Беги? Ты сказал *беги*?

ГЕББЕЛЬС Хельмут...

ХЕЛЬМУТ Значит, тут можно *бегать*?

ГЕББЕЛЬС Хельмут, пора пить чай. (*ХЕЛЬМУТ выходит*)
Не огорчайся, дорогая. Вспомни Фридриха Великого. Когда наступали тяжелые времена, он воображал, будто он на далекой планете. И все земные передряги превращались в мелочи, в ерунду.

МАГДА (*тихо*) У Фридриха Великого не было детей.

Сцена вторая

*МАГДА гладит.
ШТУМПФЕГГЕР на нее смотрит.*

МАГДА Вас завораживает процесс глажки?

ШТУМПФ Не процесс, а вы. Только вы. А уют вам в руки брать не пристало. Вам и знать не надо, для чего он и как устроен. Может, он чайник вовсе... Эх... Вы тут как служанка, как рабыня у мужа и детей.

МАГДА Нет-нет, я служу только детям. Вот бы эта комната была завалена их одеждой под самый потолок! Я бы стояла и гладила, гладила... Хоть что-то для них сделать...

ШТУМПФ Так может, лучше с ними поиграть?

МАГДА Сорвусь я... не сдержусь — расплачусь. (*слышен сильный взрыв, они его почти не замечают*) Доктор, у вас совсем нет работы? Некому обрабатывать раны? Не нужно считать трупы?

ШТУМПФ Работа есть. Фюрер хочет, чтобы я усыпил собаку.

МАГДА Блонди?!

ШТУМПФ Именно.

- МАГДА Но он ее любит, как... как ребенка!
- ШТУМПФ Заставил меня поклясться, что собаке не будет больно.
- МАГДА Он боится, что евреи будут мстить его собаке? Даже у Йозефа нет столь буйного воображения.
- ШТУМПФ Гиммлер оставил ему таблетки с цианистым калием, но теперь ни Гиммлеру, ни его таблеткам веры нет.
- МАГДА А вашим есть?
- ШТУМПФ Безусловно.
- МАГДА И у вас есть опыт? Уже травили кого-нибудь?
- ШТУМПФ Ну... случилось.
- МАГДА Где? В Польше?
- ШТУМПФ А что вы об этом знаете?
- МАГДА Всё. *(снова принимается за глажку, ШТУМПФЕГГЕР не сводит с нее глаз)* Не смотрите так, прошу вас.
- ШТУМПФ Простите. Мне трудно находиться с вами в одной комнате и не... Все время хочется смеяться или петь.
- МАГДА Вы шутите?!
- ШТУМПФ Ничуть. Вас это смущает?
- МАГДА Настораживает. Это безумие.
- ШТУМПФ Не могу с собой справиться. Вы сейчас скажете, что вы зрелая женщина, много старше и опытнее меня...
- МАГДА Не собиралась, но спасибо, что напомнили.
- ШТУМПФ Разница в возрасте — не помеха! Я с детства обожаю кино. Все фильмы по два раза пересмотрел. А потом доктор Геббельс стал снимать короткие ролики про вашу семью. Мои друзья считали, что это глупость. Так издевались — не представляете.
- МАГДА Отчего же, представляю.

ШТУМПФ А мне эта хроника была интереснее любого кино! Однажды другу зуб выбил: показывают день рождения вашей дочки, а он шуточки отпускает, ну я и вмазал...

МАГДА Вы истинный защитник прекрасного.

ШТУМПФ Поймите, мои родители — не члены партии. Скорее наоборот. Мой отец — пастор. Был пастором. Я родился в маленьком городке недалеко от...

МАГДА Доктор, в нынешних обстоятельствах — опустим начальные главы, с первой по... пятую.

ШТУМПФ Нет, это важно! Мои родители национал-социалистов презирали, считали их бандитами. Но Магду Геббельс они презирать не могли. Она... вы... настоящая королева. Вы так красивы, так элегантны, так... царственны... да-да, это точное слово. Всегда и везде — в опере, на дипломатическом приеме, среди бедных, которым раздаете одежду... Благодаря вам я стал тем, кто я есть!

МАГДА Врачом?

ШТУМПФ Национал-социалистом.

МАГДА И виной тому я?

ШТУМПФ Если бы не вы, я не узнал бы своего истинного предназначения.

МАГДА Войска СС?

ШТУМПФ Точно!

МАГДА А вы никогда не задавались вопросом: почему у вас, у врача, на петлице череп?

ШТУМПФ Потому что мы, национал-социалисты, врачуем не только тело, но и душу... духовный облик нашей страны!

МАГДА Если Германия тело, то где же у нее душа, доктор? (ШТУМПФЕГГЕР смотрит на нее неотрывно) Нет-нет, доктор, диагноз ошибочный! Моя душа — лед... камень. Итак, ваша миссия — исполнение медицинской программы партии. Устранение нежелательных лиц... низшей расы...

ШТУМПФ Паразитов.

МАГДА О, серьезный медицинский термин. Поздравляю.

ШТУМПФ Иронизируете? Потому что мы на пороге поражения?

МАГДА Нет, что вы. Поражение мы уже давно потерпели. Сокрушительное... Я знаю про лагеря.

ШТУМПФ Невозможно! Откуда?!

МАГДА Я все-таки жена Геббельса.

ШТУМПФ Я выполнял приказ. Любое решение партии для меня закон.

МАГДА А про клятву Гиппократата не забыли?

ШТУМПФ Присяга фюреру выше других клятв. Выше всего на свете.

МАГДА Выше всего на свете человек. За последние годы я поняла одну важную вещь: все люди одинаковы, и немцы ничем не лучше других. Мы — часть мира.

ШТУМПФ Нет, мы воюем с миром. Это война на уничтожение. И тут все средства хороши. Чтобы спасти наших раненых, нужны новые лекарства, методы лечения. Лагеря дают отличное сырье для экспериментов!

МАГДА Сырье? Это живые люди.

ШТУМПФ Они евреи.

МАГДА Евреи — точно такие же люди, как мы с вами.

ШТУМПФ И это говорит Магда Геббельс? *(МАГДА смотрит на него молча)*

МАГДА А дети? *(берет блузку из стопки и прижимает к груди)* Есть возраст, когда они еще не подлежат вашим экспериментам? Скажите, что есть. Пять лет? Шесть? Их органы слишком малы. Их кости пока не сформировались. Восемь? Девять? Какая от них польза солдатам? Скажите, доктор. Соврите!

ШТУМПФ Маленькие евреи вырастают в больших. Это главное. И вообще — пусть спасибо скажут. Вместо бесполезной жизни мы дарим им полезную смерть.

МАГДА Для кого полезную? Для вас? Для меня? Для них самих? Я думала, что уже знаю всю меру своей вины... Теперь вижу, что виновата больше, глубже. Мой муж боится, что евреи будут мстить детям за грехи отцов. А как насчет грехов матерей? Кто заплатит... кто должен заплатить за мои грехи?

ШТУМПФ Вы расстроены. И это объяснимо. Да, мы проиграли войну. Но дело наше — правое. Вспомните о Христе. Евреи распяли его как преступника, а он все равно вышел победителем. Не надо отчаиваться. Ваша жизнь вдохновила скольких людей... Магда Геббельс — мать нации!

ЕВА *(входит)* Я зайду позже...

МАГДА Оставайтесь. Доктор просто коротает время между... трудовыми подвигами. Скиньте со стула вещи и садитесь.

ЕВА Садиться я не собираюсь. Скажу и уйду. Вы, Магда Геббельс, — обманщица и предательница.

МАГДА Ева? Что случилось?!

ЕВА Я-то, наивная, поверила, что мы подруги. В лепешку расшиблась, чтобы вас тут обустроить. А вы меня подставили!

МАГДА Я никого не подстав...

ЕВА Да? А кто подговорил спросить у фюрера про этот... Аушвиц? *(ШТУМПФЕГГЕР в ужасе)* Он аж побелел. Стул отшвырнул. Хорошо хоть, не мне в голову. Ничего не объяснил, только спросил, откуда я знаю. Но я вас не выдала, неизвестно почему. Сказала, что офицеры-эсэсовцы проболтались.

МАГДА Совершенно не хотела вас подвести. Хотела одного, чтобы вы поняли: мы все — часть чудовищной системы. И у нас нет права на тихую-мирную жизнь и даже на одну спокойную ночь. И никогда не будет.

ЕВА Тогда объясните. Что такого чудовищного в этом Аушвице? Почему фюрер так взвился?

МАГДА Доктор, думаю, вы справитесь лучше. Ведь вы там бывали.

ШТУМПФ Мне запрещено об этом говорить.

МАГДА Глупости. Вы же гордитесь вашей работой. Или мне показалось?

ШТУМПФ Я давал присягу.

МАГДА Как, еще одну? Что-то я запуталась в ваших присягах и клятвах. Говорите! Нас никто не подслушает. Вы же знаете, кто эта дама?

ШТУМПФ Об этом мне тоже запрещено упоминать.

МАГДА Тогда я буду говорить, а вы кивать. Вы не нарушите присягу, а фройлен Браун узнает правду. Годится?

ЕВА Прекратите эти игры. Объясните сами. Я никогда не видела его в такой ярости.

МАГДА Вы правы. Это слишком серьезно. Итак. Существуют лагеря — два или три — в Польше и дальше, к востоку. Туда привозят евреев. Тысячами. И убивают.

ЕВА Почему?

МАГДА Потому что они евреи.

ЕВА Шутите?!

МАГДА Если бы...

ЕВА Вот прямо так: привозят и убивают?

МАГДА Да. Там есть какие-то печи.

ЕВА Их что, сжигают?

МАГДА Нет... Я не знаю. Какая разница?

ШТУМПФ Разница существенная. Все спланировано идеально.

МАГДА Простите, я не хотела вас обидеть.

ЕВА Я ничего не знала...

МАГДА Понятно, что не знали. Вообще, это странная история. Йозеф и его коллеги почему-то убеждены, что евреи смертельно опасны. Сейчас любой, кто способен стать в строй, нужен на фронте, а они тратят драгоценные ресурсы на мнимого врага — безоружного, беспомощного. И отчаянно пытаются сохранить эту операцию втайне.

ЕВА Тогда откуда вы знаете? Вы там бывали? В таком лагере?

МАГДА Боже упаси. Йозеф, если не ошибаюсь, тоже не был. Но живописал в красках.

ЕВА А может, соврал? Хотел вам досадить? Напугать?

МАГДА На сей раз — не соврал. Сначала он проговорился во сне. Обрывочные фразы, для меня совершенно бессмысленные. Ну я и спросила. В конце концов он признался. Похоже, с облегчением — ему-то явно стало легче, когда он рассказал.

ЕВА У вас есть доказательства?

МАГДА Вот доктора спросите, ходить далеко не надо. Доктор, подтверждаете?

ШТУМПФЕГГЕР медленно кивает.

ЕВА Не верю! Вы сговорились!

ШТУМПФЕГГЕР качает головой.

ЕВА В любом случае — это не фюрер придумал! (к МАГДЕ) Ведь вы знаете, что это не он?

МАГДА Зря я вам сказала... Нервы у меня ни к черту.

ЕВА Это совсем не в его характере! Он человек мягкий, мирный. Он же вегетарианец, мяса не ест. Не способен причинить боль живому существу. Даже издал закон — запретил варить живьем омаров и раков.

МАГДА Однажды — много лет назад — мы сидели в кафе в Мюнхене. Фюрер заметил на другом конце зала маленького мальчика, еврея. И вдруг, посередине беседы, мирной беседы за чаем с пирожными, он сказал, что схватил бы мальчика за загривок и растоптал, как червяка. Мне стало дурно, но я убедила себя, что это он... для красного словца. Теперь понятно, что слова не расходятся с делом. Вокруг лагеря и трупы. А я все сижу в том кафе, наливаю чай...

Входит БОРМАН.

ШТУМПФЕГГЕР встает по стойке смирно.

БОРМАН Натворили вы дел, милейшая фройлен. Фюрер точно взбесился. Но я его заверил, что вы ни черта не знаете.

ЕВА Он и без вас это понимает.

БОРМАН Да что на вас накатило, милочка? Есть вещи, о которых не говорят.

МАГДА Например?

БОРМАН Например, вещи, о которых не следует болтать.

МАГДА Ну вот, заладил, как попка-дурак.

ЕВА Борман! Значит, и вы знали?!

БОРМАН О чем?

ЕВА Об этих... лагерях. Где умерли люди.

БОРМАН Знал. Чтобы фюрер имел право не знать. Чтобы фюрер по ночам спал спокойно.

ЕВА Да он вовсе не спит!

БОРМАН Зато он не спит со спокойной совестью. *(поворачивается к ШТУМПФЕГГЕРУ)* Идите, полковник. Фюрер готов. *(ШТУМПФЕГГЕР выходит)*

МАГДА Да, *pas devant*, как говаривал мой первый муж.

БОРМАН Чего-чего? “Поди вон”? Это вы мне?

МАГДА Нет, Борман, это по-французски. *Pas devant les domestiques*. Не при слугах.

БОРМАН Мне довольно языка Адольфа Гитлера. Чужие наречия — без надобности.

ЕВА Все эти люди... ведь они живые...

БОРМАН Не тратьте слезы зря. Живые-то живые, но другой породы. Недоразвитые они. Ведь у людей, как у животных: есть чистокровный рысак — и ломовая лошадь, персидская кошка — и уличная мурка.

ЕВА Но мы же не убиваем ломовую лошадь. И уличную мурку...

МАГДА Борман, а как насчет совести? Не мучает?

БОРМАН Совесть мне тоже без надобности! Фюрер ясно припечатал: “Совесть — изобретение евреев”. Дурак я что ли мучиться тем, чего нет? Да еще из-за людишек, которых лучше бы вовсе не было?

МАГДА Да уж, логики у вас в избытке. Но она... недоразвита.

ЕВА Выходит, только я ничего не знала? Мне не доверяют?

МАГДА Вас решили поберечь.

ЕВА Это одно и то же.

Входит ГЕББЕЛЬС.

БОРМАН А-а, доктор. Очень вовремя. На вашу благоверную впору намордник надевать. Такое несет — уши вянут.

ГЕББЕЛЬС Жена взвинчена, и немудрено. У Хайды болит горло. Остальные носятся как сумасшедшие. А ведь еще пару дней назад они были приличными воспитанными детьми.

ЕВА Да какая теперь разница?!

БОРМАН Представьте, ее волнует судьба евреев.

ГЕББЕЛЬС Лучше бы ее волновала судьба немцев. В Рузвельта и Сталина евреи уже вонзили своё ядовитое жало. Немцы на очереди.

МАГДА (ГЕББЕЛЬСУ) Знаешь, когда я осознала всю мощь твоей пропаганды? Когда ты сам начал во все это верить.

ГЕББЕЛЬС Я всегда верил.

МАГДА Неправда. Я нашла твою статью — еще студенческую — там ты пишешь, что стране полезно смешение рас и народов.

ГЕББЕЛЬС Какой спрос с юнца? Молоко на губах не обсохло...

МАГДА Жаль, я не была знакома с этим юнцом. Тогда в голове у тебя были не лозунги, а мысли, твоим любимым поэтом был Гейне, а любимыми учителями — два еврея.

ГЕББЕЛЬС Фройлен Ева, Борман, приношу извинения за жену. Бомбежки совсем расшатали ей нервы.

МАГДА Говорят, что ты искажаешь правду, но на самом деле ты искажаешь память. Однако, кое-кого ты наверняка не забыл.

ГЕББЕЛЬС Кого же?

МАГДА Моего отчима, Макса Фридляндера.

БОРМАН Еврейская фамилия?

ГЕББЕЛЬС Ее мать носит фамилию Беренд.

МАГДА Да, она вернула девичью фамилию. Но отчим мой был Фридляндер — чудесный, добрейшей души человек, который дал нам кров и растил меня как родную дочь... Когда были приняты первые антиеврейские законы, он, наивный, подал Йозефу прошение, личное прошение... и с тех пор о нем больше не слышали...

ЕВА Может, его призывали в армию? Во время войны люди то теряются, то находятся.

МАГДА Это было в мирном тридцать третьем году.

ГЕББЕЛЬС Поздравляю, Магда. Всех поставила в неловкое положение. Довольна?

МАГДА Я буду довольна, если услышу правду. Хоть раз в жизни скажи честно! Фридляндер меня вырастил. Я его любила. Где он? Ты посадил его на корабль и отправил в Палестину? Или сразу в могилу? Скажи — может, и самому легче станет. Если совесть и вправду изобрели евреи, как утверждает Борман, то это изобретение почище колеса...

В комнату заглядывают ХЕЛЬМУТ и ХЕЛЬГА.

МАГДА Дети? Что происходит? Вы меня огорчаете. Папа говорит, вы совсем одичали? Хельга, ты же старшая, должна подавать пример.

*ХЕЛЬМУТ вбегают и утыкается в юбку МАГДЫ,
ХЕЛЬГА остается у двери.*

МАГДА Что случилось, сынок? Хельга, в чем дело?

ХЕЛЬГА Там Блонди... она...

ХЕЛЬМУТ Мы играли на лестнице — а ее несут. В тряпку завернули и тащат...

ХЕЛЬГА Ее унесли в сад.

ХЕЛЬМУТ Она умерла.

ХЕЛЬГА А у нее только что щенята родились!

ГЕББЕЛЬС Довольно. Мне за вас стыдно.

БОРМАН Ну и цирк. Ваше счастье, что вы не мои дети. Оттянуть бы вас лошадиным кнутом по заднице!

Дети в ужасе глядят на БОРМАНА.

МАГДА (БОРМАНУ) Вы даже презрения не достойны.

ГЕББЕЛЬС (БОРМАНУ) Вы правы — моим детям повезло. (ХЕЛЬМУТУ и ХЕЛЬГЕ) Идемте в детскую.

БОРМАН А я пошел к фюреру. Надо его поддержать, раз Блонди сдохла. Любил он ее, суку. (ЕВЕ) Идемте что ли?

ЕВА Я... я попозже. Пока тут побуду.

Смерив ЕВУ взглядом, БОРМАН выходит.

ГЕББЕЛЬС (*детям*) Ну, идемте к сестрам.

ХЕЛЬГА Он, правда, бьет детей кнутом?

ХЕЛЬМУТ И лошадей тоже?

ГЕББЕЛЬС Не кнутом, так ремнем. Каждый день лупцует. Не у всех такой добрый отец, как у вас... (*уводит детей*)

ЕВА Фюрер, должно быть, вне себя от горя. Никого в этом мире он не любил, как Блонди.

МАГДА Вас любит все же сильнее.

ЕВА Не лукавьте. Не надо меня “беречь”.

МАГДА Идите к нему. Не с Борманом же ему быть в такую минуту, с этим выродком...

ЕВА Да, надо идти. Но я пока не могу. Вы рассказали... и мир перевернулся. У меня была портниха-еврейка.

МАГДА Хорошая?

ЕВА Платья шила хорошие. Никогда не поверю, что фюрер...

МАГДА Я тоже не могла поверить, что Йозеф... Но теперь верю.

ЕВА И все-таки вы от него не ушли.

МАГДА У нас дети. Вас хотя бы это не связывает.

ЕВА Нас связывает целая жизнь, шестнадцать лет. Разве вычеркнешь?

МАГДА Даже теперь? Когда вы все знаете? Он ведь предлагал вам уехать?

ЕВА Я ему по гроб жизни обязана. Без фюрера я бы до сих пор стояла за прилавком. Улыбалась покупателям.

МАГДА Один из них мог улыбнуться в ответ. Вышли бы замуж, детей нарожали...

ЕВА И мужа убили бы на фронте. А дети погибли бы во время бомбежки...

МАГДА Ева, беги отсюда — хоть жива останешься... Бегите, фройлен Ева.

ЕВА Советы даете, а сами им не следуете.

МАГДА Мне идти некуда. Вы-то можете сказать, что ничего не знали, а я? Всю жизнь провела среди убийц, подавала руку палачам, ходила, спотыкаясь о трупы...

ЕВА Когда??

МАГДА На партийных митингах. Руки у меня, может, и не в крови, но на перчатках — кровь.

ЕВА А я-то чем лучше? Пожимала те же руки, разве что не прилюдно...

МАГДА Решайте сами. Я за вас выбирать не вправе.

ЕВА А за детей своих вправе?

МАГДА Дети — другое дело.

ЕВА Почему? (МАГДА не отвечает) Моя горничная, помните — Анна? (МАГДА кивает) Она по-прежнему готова забрать детей. Группа уходит из бункера через несколько часов. Это единственный шанс.

МАГДА Дети Йозефа и Магды Геббельс свой шанс потеряли при рождении.

*МАГДА берет бокал, с силой сжимает его —
осколки летят на пол, рука в крови.*

ЕВА Что вы наделали? Больно?

МАГДА Надо еще больнее. Моей кровью... моей болью ничего не испугать... Есть только один путь. Так что спасибо вашей горничной

за предложение. И вам спасибо, фройлен Ева. Мои дети останутся здесь.

Сцена третья

ЕВА и МАГДА сидят, пьют шампанское.

ЕВА Я знаю: мне положено сейчас быть счастливой. Шестнадцать лет об этом дне мечтала. Почему же я будто каменная?

МАГДА Вы переволновались. Счастье приходит со временем.

ЕВА А времени совсем не осталось. (*пауза*) Я всё думаю про... про то, что вы рассказали... Увижу в бункере нового солдата, доктора или медсестру — сразу гадаю: а они были *там*? Вот этот или вон та? Я всегда доверяла Адольфу, почему больше не верю?

МАГДА Я вам испортила день свадьбы.

ЕВА Вы же не знали, что будет свадьба. Я и сама не знала. Адольф вызвал нотариуса между делом, как парикмахера.

МАГДА Он вам искренне предан.

ЕВА Блонди он тоже был предан. И что с ней стало? Будь я сильнее, пошла бы против него. Как вы против своего мужа.

МАГДА Разве я пошла против мужа?

ЕВА А разве нет?

МАГДА Трудно сказать. У нас любовь и ненависть перемешались...

ЕВА Вы — добрая. Спасибо, что приютили. Там, внизу, мне было не по себе. Все смотрят, жалеют: только что поженились, а муж удрал... Но ведь мой муж не какой-нибудь портье и даже не инженер. Он — фюрер! У него совещание с генералами. Долг для него всегда на первом месте. Особенно в эти дни.

МАГДА Но сегодня у вас свадьба...

ЕВА Да! Я теперь фрау Гитлер. Ева Гитлер — хорошо звучит, правда? Но с девичьей фамилией тоже жаль расставаться. Фюрер в нее сразу влюбился.

МАГДА Влюбился в фамилию? Не обижайтесь, но вы не Рокфеллер...

ЕВА Я — Ева Браун, коричневая Ева! Это партийный цвет — форменные рубахи коричневые... Фюрер во всем ищет знаки, вот я и подошла. По цветовой гамме. *(пауза)* Я себя не обманываю: женщина-то ему особо не нужна. Просто он решил – пусть будет, раз так принято. Он же ненавидит хаос. Женился, чтобы навести порядок.

МАГДА Что ж, бывает и такая любовь.

ЕВА Решился, когда узнал, как убили Муссолини и его... любовницу... как ее звали?

МАГДА Клара... фамилию забыла.

ЕВА А вот мою фамилию не забудут. Я теперь навсегда Ева Гитлер! Даже после смерти!

МАГДА Не стоит так говорить... в день свадьбы.

ЕВА Он твердил, что никогда не женится. Что связан узами священного брака — с Германией! Но когда ему рассказали, как поступили с Klarой... Вот и рассудил: мол, к трупу *жены* проявят уважение даже русские варвары.

МАГДА Выпейте еще шампанского.

ЕВА У вас какой-то голос странный. Вам плохо?

МАГДА Здесь совсем нечем дышать.

ЕВА Вентиляторы чинят, а они опять ломаются.

МАГДА Никакой яд не нужен. Сами потихоньку задохнемся.

ЕВА Послушайте, Магда, хочу вас спросить... ой, можно по имени? Конечно, можно! Я Ева Гитлер! Мне можно всё!

МАГДА Спрашивайте.

ЕВА Вопрос интимный, но больше не с кем посоветоваться... не с чем сравнить... Вам с мужем хорошо ночью?

МАГДА Вы же видите, как мы спим. Не только в разных комнатах, но и на разных этажах.

ЕВА А раньше?

МАГДА У нас шестеро детей, он свое дело знает... Если уж откровенно, любовник он был нежный, ласковый. На трибуне — как дикий зверь, а в спальне, наедине, преобразался.

ЕВА А мой Адольф счастлив только на публике. Как только мы оказываемся вдвоем, он прячется в свой панцирь.

МАГДА Знаете, мне бы не хотелось...

ЕВА Сначала я думала, что это от усталости, ведь он отдает все силы борьбе. А потом поняла... Он как будто стыдится... самого себя. Боится оттолкнуть меня своими желаниями. Что это за желания? Неужели какие-то ужасные, запретные страсти?

МАГДА Запретные и заразные. Он заразил ими всю страну.

ЕВА Я никогда не видела его голым.

МАГДА Никогда?

ЕВА Он, конечно, намного старше. Но дело не в этом... Он боится, что окажется хуже других. Хотя у меня никогда не было другого мужчины.

МАГДА Никогда?

ЕВА Так жалко, что у него не останется детей. Говорит, на детях гениев природа отдыхает. Ни Гёте, ни Вагнер не родили талантливых потомков. А я бы рискнула...

МАГДА Не буду говорить банальности... Просто сочувствую.

ЕВА Фюрер хочет, чтобы каждая немка стала матерью. Но только не я, его собственная любовница!

МАГДА Жена.

ЕВА Жена... А дитя к груди никогда не приложу. Не испытаю тепла губ. Ничьих...

МАГДА Но разве фюрер не..?

ЕВА В грудь — никогда.

МАГДА А вы все-таки сильная женщина.

ЕВА Не смейтесь, но я считаю, что это моя жертва. Ведь фюрер тоже от своей мечты отказался. Он мог стать великим художником — Рембрандтом или Дюрером.

МАГДА Поверьте, Ева — можно тоже по имени? — все мы приносим жертвы. Вам больно не иметь детей, но терять их — стократ больнее...

ЕВА Я запрещаю говорить о грустном! Сегодня мой день! Шампанского!

МАГДА Почему бы и нет? Не оставлять же русским. Я попрошу принести.

ЕВА Не надо, у меня запас. Бутылка. Даже две. Или три! *(откупоривает шампанское)* Ваш муж — хороший отец?

МАГДА Пожалуй. По его собственным меркам. Дети для него — как дневник, который он пишет ежевечерне. Его творение.

ЕВА А уж они его просто обожают.

МАГДА Дети малы и наивны. От его ядовитых шуточек они в восторге — папа говорит с ними как со взрослыми! Даже его равнодушие им милее, чем моя любовь.

ЕВА Любовь незаметна... Как дыхание.

МАГДА Он изменяет, я выставляю его вон, он раздражается гневной тирадой — и всё, дети на его стороне. Хельга однажды обвинила меня в жестокости: мол, издеваюсь над бедным папочкой.

ЕВА Любит отца...

МАГДА Я тоже люблю. Или любила... Теперь не имеет значения.

ЕВА Не обижайтесь, но... чем он вас привлек?

МАГДА Скука одолела. Фактор скуки в человеческих отношениях сильно недооценен. После развода с Квандтом у меня оказалось много денег и свободного времени. Иные женщины находят любовника. Я нашла дело жизни.

ЕВА Доктор стал делом вашей жизни?

МАГДА Не сразу. Я попала на митинг случайно. Оратором был Йозеф. Его голос — стальной, звенящий — показался мне слаще музыки. Во мне вспыхнула страсть. Он воспламенялся от партийных

речей, а я — от него самого. На следующий же день я вступила в партию.

ЕВА Там, на митинге вы и познакомились?

МАГДА Нет. Я пошла работать в штаб. Устроила так, что Йозеф меня заметил. Он предложил вести его личный архив, у нас завязался классический служебный роман. Но я не знала, что свое сердце он уже отдал.

ЕВА Другой женщине?

МАГДА Нет, женщины появились позже. Другому мужчине. Не пугайтесь, я говорю о фюрере. Когда они познакомились, Йозеф был еще девственником. Он полюбил фюрера со всем нерастраченным юношеским пылом. Это была настоящая любовь, ей одной он никогда не изменял. Йозеф не знал женщин до тридцати трех лет. Когда он рвет и мечет, я стараюсь об этом помнить. Двадцать лет сомнений в себе, неутоленных страстей, обманутых надежд — каково это мужчине?

ЕВА Это и женщине непросто.

МАГДА А такому мужчине — тем более! Ведь для него собственное тело — вечный наглядный упрёк. Истинный ариец, сверхчеловек, а выглядит как жертва медицинского эксперимента СС. Стоит ли удивляться, что он тащит в постель каждую встречную актриску?

ЕВА Вы пытаетесь его оправдать?

МАГДА Ему нет оправданий. Но и мне тоже. Он профессиональный лжец, морочит головы миллионам, а я вообразила, что с женой будет правдив... Надо было добиться развода! Но партия нуждалась в нашем безупречном браке... Его ложь и предательство запятнали, опозорили меня. Но сейчас я себя обмануть не дам. Пусть переписывает историю как угодно — но не кровью моих детей!

Входит БОРМАН.

БОРМАН Ага, вот вы где прячетесь!

МАГДА Это моя комната.

БОРМАН И что?

МАГДА Принято стучать.

БОРМАН *(выходит, громко стучит, возвращается)* Довольны?

ЕВА Он пьян.

БОРМАН Нет! Я весел! Сегодня гуляем... Стол богатый — как до войны. (МАГДА наливает себе шампанского) А вы чего без музыки сидите? У нас шумно, все пляшут!

МАГДА А у нас — дети пытаются спать.

БОРМАН Понял... Тс-с-с... Молчок! Буду тих, как мышонок, который залез служанке под юбку. (ЕВЕ) Правильно я говорю, милейшая фройлен?

ЕВА жалобно смотрит на МАГДУ.

МАГДА Нет, Борман. Правильно — фрау Гитлер. Она сделала то, на что вы при всем желании не способны. Вышла за него замуж.

БОРМАН (щелкает пальцами) Ах, вот почему у нас попойка! Где же счастливый супруг, фрау Гитлер? Почему не сидит рядышком? Почему заперся в кабинете с секретаршей? Он диктует завещание! Подходящее занятие в первую брачную ночь.

МАГДА Как я вас презираю...

БОРМАН О, это комплимент! На днях вы заявили, что я даже презрения не достоин... Чуть не забыл — свадебный подарок! (вручает ЕВЕ кольцо)

ЕВА Спасибо, не ожидала... Но... Это мое собственное кольцо! Я его потеряла!

БОРМАН А может — подарили?

ЕВА Кому?

БОРМАН Колечко нашли у Фегеляйна. Его арестовали, когда он пытался удрать из Берлина.

ЕВА У Фегеляйна? Ах да, в суматохе я совсем забыла... Гретель, его жене, моей сестре, это кольцо очень нравилось, я отдала его Фегеляйну, чтобы сделал копию.

БОРМАН Золотое колечко с бриллиантами стоит недешево. Из каких средств вы за него заплатили? Ведь все ваши расходы утверждаю лично я. (МАГДЕ) Вы не представляете, какая это морока. Косметика, шляпки, прически... Будто мне больше нечем заняться. Чулки, бюстгальтеры, трусы — все проходит через мои руки. (МАГДА отворачивается)

ЕВА Он хотел навестить Гретель. Моя сестра беременна. Муж страшно скучает.

БОРМАН Так скучает, что прихватил с собой любовницу.

ЕВА Какую любовницу?

БОРМАН Ту самую, которую завел год назад. Он у нас образцовый семьянин.

МАГДА Борман, разве вы осуждаете супружескую измену?

БОРМАН Ни в коем случае. Только государственную. Изменников расстреливал бы лично.

ЕВА Герман не изменник!

БОРМАН Уже нет. Он никто.

ЕВА О чем вы? (*БОРМАН усмехается*) Он что... мертв??

БОРМАН Расстрелян. Фюрер подписал приказ несколько часов назад.

ЕВА Но он мой родственник! Он теперь зять фюрера!

БОРМАН А я предупреждал фюрера, что вы та еще семейка. Да только меня не слушают...

ЕВА Но как же ребенок?

БОРМАН А что такое?

ЕВА Он родится без отца...

БОРМАН Отец-предатель — невелика потеря. Гиммлер ведет тайные переговоры с союзниками...

МАГДА Как, и Гиммлер туда же?

БОРМАН (*ЕВЕ*) Ваш зятёк — его офицер связи и, значит, тоже заговорщик.

ЕВА Неправда! Сами вы заговорщик!

БОРМАН Союзники требуют физического устранения фюрера. Фегеляйн имел к нему доступ — уверен, убийство было поручено именно ему.

МАГДА Довольно, молчите!

БОРМАН Дальше-то самое интересное. Все ли нити заговора мы распутали? Или у кого-то другого... или другой, близкой к фюреру, также имеются поручения?

МАГДА Вы забываетесь!

ЕВА Извините, мне нужно поговорить с мужем. Вы правы, Борман, предателей нельзя щадить, даже если они... близкие...
(выходит)

БОРМАН У меня сегодня отличное настроение!

МАГДА По случаю свадьбы, разумеется.

БОРМАН Может, потанцуем?

МАГДА Исключено.

БОРМАН В честь фюрера.

МАГДА Без музыки не умею.

БОРМАН Вот здесь — играет! (стучит себе по голове) Целый оркестр... Вы меня не любите.

МАГДА Вас, Борман, никто не любит.

БОРМАН Честно говоря, на любовь мне плевать. А вот не уважаете вы меня напрасно.

МАГДА Уважение еще надо заслужить.

БОРМАН На месте доктора я бы от вас давно избавился.

МАГДА Доктор пытался. Но фюрер был против, помните?

БОРМАН Ну, есть разные способы. Вы, женский пол, существа хрупкие... Дунешь — рассыплется.

МАГДА Я родила семерых. Как видите, пока жива.

БОРМАН Подумаешь — семерых! У моей Герды десяток!

МАГДА Ее героизм выше всяких похвал.

БОРМАН Да, она образцовая жена!

МАГДА Еще бы... Подзываете ее свистком. Смакуя детали, рассказываете о своих любовных шашнях...

БОРМАН Клевета! Где это вы наслушались?

МАГДА В элитном клубе “Жёны вождей”. Жены у нас есть, а с вождями туго...

Входит ГЕББЕЛЬС.

ГЕББЕЛЬС Магда, почему ты не выходишь? Люди спрашивают.

МАГДА Извини. Общество конторских крыс мне не по вкусу.

ГЕББЕЛЬС Они ближайšie соратники фюрера.

МАГДА Это дела не меняет.

БОРМАН Ее не переспоришь, доктор. Она даже со мной не желает танцевать.

ГЕББЕЛЬС Напрасно. Тут свадьба, а не похороны.

МАГДА Расскажите это Фегеляйну.

ГЕББЕЛЬС Магда!

БОРМАН Отлично, отлично... Я всё запомнил.

МАГДА Свадьба удалась: гости планируют самоубийство, жених угощает ядовитыми конфетками. И казнит родственника невесты. Для разнообразия.

БОРМАН Разнообразие — полезная штука. Придает жизни вкус... Пойду-ка я к народу. Авось, какая-нибудь медсестричка или секретарша потанцует со стариком. *(выходит)*

ГЕББЕЛЬС Магда, будь осмотрительнее. Твои высказывания — о свадьбе, о евреях — опрометчивы. При Бормане — воздержись.

МАГДА Воздержанию учусь у тебя.

ГЕББЕЛЬС И на брачную церемонию явиться следовало.

МАГДА Но ведь это откровенный балаган.

ГЕББЕЛЬС Почему же балаган? Брак есть брак, пусть даже скоротечный. И клятва есть клятва: быть верным до самой смерти.

МАГДА Или до первого удобного случая.

ГЕББЕЛЬС А ты изменилась. Стала циничной.

МАГДА Угадай, почему. У Евы на пальце обручальное кольцо — значит, все-таки раздобыл?

ГЕББЕЛЬС С огромным трудом. Всех секретарш опросил. Казалось бы – радуйся, послужи фюреру напоследок, отдай кольцо, — а они отказывают!

МАГДА Некоторым брачная клятва дороже фюрера.

ГЕББЕЛЬС Чепуха! Берегут свои жалкие колечки на черный день... А он не за горами...

МАГДА Кого же ты уломал?

ГЕББЕЛЬС Никого. Реквизировал со склада гестапо.

МАГДА Значит, это кольцо краденое... и к тому же еврейское!

ГЕББЕЛЬС Какая разница? Было еврейское, стало наше.

МАГДА А ты вспомни оперу Вагнера... Помнишь, у нибелунга украли кольцо? Злодеи очень скверно кончили.

ГЕББЕЛЬС Как остроумно, Магда... Всё это напоминает нашу свадьбу.

МАГДА Что именно? Краденое кольцо? Или взрывы бомб?

ГЕББЕЛЬС Фюрер мне сказал: “Я был шафером на вашей свадьбе, а теперь вы — на нашей. Берем с вас пример!”

МАГДА Надеюсь у них в спальне будет повеселее.

ГЕББЕЛЬС Я и забыл, какая ты язва...

МАГДА Мы с Евой в сущности похожи. Обе влюбились в легенду о сверхчеловеке, которому все позволено. Эта легенда уничтожила наш с тобой брак. И привела к катастрофе Германию.

ГЕББЕЛЬС Но мы ведь договорились, что в браке я сохраню свободу.

МАГДА А я, дурочка, ждала, что ты скажешь: “Мне не нужна свобода. Магда, ты — моя свобода!”.

ГЕББЕЛЬС Магда, ты... насмотрелась сентиментальных фильмов.

МАГДА ...рекомендованных министром пропаганды.

ГЕББЕЛЬС Не забывай — наш договор был взаимовыгоден. Ты вышла за меня, чтобы быть ближе к фюреру.

МАГДА Да, фюрером я восхищалась. А тебя — любила. Чувствуешь разницу?

ГЕББЕЛЬС Когда любишь — заботишься о любимом. Отдаешь ему все силы и помыслы...

МАГДА Я отдала тебе жизнь... и душу в придачу.

ГЕББЕЛЬС А мою жизнь растоптала! Даже беззащитную женщину не пощадила!

МАГДА Твою чешскую потаскуху?

ГЕББЕЛЬС Лида — великая актриса! Твоими стараниями она с позором изгнана из страны, карьера ее уничтожена, сердце разбито. Ее единственное преступление — любовь ко мне. Уж ты-то могла это понять и простить. Она писала тебе, умоляла разрешить ей вернуться, но ты даже не ответила на письмо.

МАГДА Я его даже не прочитала, Йозеф. С меня довольно унижений.

ГЕББЕЛЬС Унижений? Ты не знаешь, что такое унижение! Позволь тебя просветить... Жил-был мальчик-урод. В школе его безжалостно дразнили, травили... Но вдруг происходит чудо — самая красивая девочка в классе целует его у всех на глазах. И впервые в жизни, в самый первый раз, мальчик понимает, что он не хуже других. На следующий день он зовет ее погулять. А она поворачивается к нему и голосом громким, как у ангела смерти, с великолепным презрением объявляет: она поцеловала его на спор. Поспорила, что поцелует уродца.

МАГДА Бедняжка.

ГЕББЕЛЬС А меня не надо жалеть! Жестокость сверстников меня только закалила. Я с детства понял, как устроена жизнь, научился бороться. Иначе бы не выжил. Слабый — достоин смерти...

МАГДА Йозеф, ты меня любишь?

ГЕББЕЛЬС Спрашивает она, ловко меняя тему.

МАГДА Я не отступаю от темы ни на йоту.

ГЕББЕЛЬС Давай обойдемся без сантиментов. Оставим это плебейкам, вроде Евы Браун. Магда Геббельс не нуждается в любовных признаниях.

МАГДА Не нуждается. Но хочет услышать ответ.

ГЕББЕЛЬС Ответ министра пропаганды? Или честный? Я не уверен в значении слова “любовь”. За долгие годы нашего плодотворного брака ты внушила мне множество чувств: страсть, гордость, доверие, уважение. Возможно, это и есть любовь?

МАГДА Как насчет готовности — счастливой готовности — отдать жизнь за любимую?

ГЕББЕЛЬС Ты опять в кино.

МАГДА Нет, я в бункере. Вместе с Евой... Вот она счастлива умереть за фюрера. И, кстати, ты тоже.

ГЕББЕЛЬС Это совершенно другое дело.

МАГДА Разве? Ты прекрасно знаешь, что такое любовь, Йозеф. Только не ко мне. И не к твоим бесчисленным женщинам, даже не к Лиде. К фюреру, ради которого ты скоро умрешь.

ГЕББЕЛЬС Какой кладбищенский взгляд на любовь. Ну, а ты сама — умрешь за меня?

МАГДА Я умру не ЗА, а ИЗ-ЗА тебя. На большее не рассчитывай.

ГЕББЕЛЬС Однако, свое обручальное кольцо ты не отдала.

МАГДА Я же сказала: оно не снимается.

ГЕББЕЛЬС *(берет ее за руку, легко снимает кольцо)* Я тронут.

Сцена четвертая

*МАГДА и ЕВА.
МАГДА в смятении.*

МАГДА Не буду говорить “прощайте”, тем более “до свидания”. От этих слов пахнет вокзалом. Все машут платками — до скорой встречи!.. Для нашего случая слова должны быть особые — как траурные одежды.

ЕВА Не надо слов. Просто обнимемся.

МАГДА Фюрер тоже не мог говорить. Пятнадцать лет вместе! Молча снял с кителя золотой партийный значок и приколот мне на грудь. Пронзил в самое сердце... Когда-то он наградил меня Почетным крестом матери. Я всю жизнь рожала детей, дарила их рейху. Теперь я отбираю свой дар.

ЕВА Одумайтесь, пусть они живут! Еще есть время. И есть надежда...

МАГДА Время, надежда, сострадание — все это библейские пошлости. Бессмыслица.

ЕВА Нет, это вы говорите бессмыслицу! Доктор готов их убить из-за своих убеждений. Но вы-то убеждены, что смертей и так в избытке!

МАГДА Моя жертва положит им конец. Поймите, убить только себя — слишком малая кара! Ничтожное наказание за те преступления, которые я совершила.

ЕВА Вы не совершали преступлений!

МАГДА Я соучастница. Наши преступления — чудовищны.

ЕВА Что может быть чудовищнее убийства ребенка?

МАГДА Убийство десяти тысяч детей.

ЕВА Вы не знаете наверняка!

МАГДА Наверняка — не знаю. Но за каждого ребенка родители готовы отдать жизнь. А за тысячи чужих детей я отдам то, что мне дороже жизни.

ЕВА “Око за око, зуб за зуб”? Вы же ненавидите библейские пошлости...

МАГДА Очи глядят на меня отовсюду — карие, застывшие в ужасе... Зубы, крошечные, молочные, обнажены в беззвучном крике... Смерть чужих детей я искупаю смертью своих.

ЕВА Но это безумие!

МАГДА На дворе весна сорок пятого. Мы давно уже за гранью безумия.

- ЕВА Вы хотите искупить убийства — новым убийством?
- МАГДА Я хочу расплатиться.
- ЕВА Да нет же, вы просто мстите!
- МАГДА Самой себе? Вы правы, я себя ненавижу... Но не до такой запредельной степени.
- ЕВА Вы ненавидите доктора! И хотите ему отомстить... Только на самом деле вы ему помогаете! Отдаете детей на смерть. Вы — как конвоир, который ведет евреев... *в печи.*
- МАГДА Напротив, я — американский солдат-освободитель... Освобождаю детей от родительских грехов...
- ЕВА Вовсе нет! Представьте, я — русский генерал, осматриваю взятый бункер. Всюду мертвые... Вот тело Гитлера и его... его...
- МАГДА Жены.
- ЕВА Вот шестеро детей доктора Геббельса... Шесть юных, прекрасных...
- МАГДА Ева!
- ЕВА ...загубленных жизней. О чем я думаю? О Магде Геббельс? О ее раскаянии? Бросьте! Я думаю о докторе Геббельсе. Министр пропаганды распропагандировал свою супругу. Убедил, что дети не должны достаться врагу.
- МАГДА Наверное, поначалу так все и подумают. Но позже, когда осядет пыль...
- ЕВА Какая пыль? Прах ваших детей?
- МАГДА Ева, умоляю...
- ЕВА Разве доктор виноват больше, чем Геринг... чем этот ублюдок Борман? Он... вы... мы все виноваты. Но меня учили, что зло нельзя исправить другим злом.
- МАГДА Я ничего не исправлю. Но могу предостеречь. Имя Геббельса для потомков станет символом страшных злодеяний. И самое чудовищное из них — убийство собственных детей. А его жена... Люди поймут, почему она согласилась. Она измучена раскаянием. Она хочет стереть с лица земли все следы преступного мужа.

ЕВА И свой след тоже? Ведь это вы их родили. В боли и муках.

МАГДА Ошибаетесь. После меня останется след — Харальд. В нем нет ни капли крови Йозефа. Ему не за что расплачиваться.

Из детской доносится смех.

ЕВА Щебечут, как беззаботные пташки...

МАГДА Мы их хорошо подготовили. Они считают себя самыми счастливыми детьми рейха.

Стук в дверь, входит ШТУМПФЕГГЕР.

ШТУМПФ *(ЕВЕ)* Фюрер ожидает вас в кабинете.

ЕВА Как, уже пора? Но я не готова...

МАГДА Дайте нам несколько минут. *(ШТУМПФЕГГЕР кивает, выходит)*

ЕВА Я знаю, что так надо. Какая женщина откажется умереть вместе с величайшим человеком в истории? *(МАГДА отворачивается)* Любовница, которую прятали годами, стала первой фрау Германии. Ева... как ее фамилия?

МАГДА Ева Гитлер.

ЕВА Вы очень добры. Но прошу, не жалейте меня. Я счастлива. Добилась того, о чем мечтала. Я не такая сильная, смелая, умная, как вы — нет-нет, на комплимент не напрашиваюсь. Не могу понять все эти ужасы, о которых вы говорите. Не могу изменить свою жизнь. У меня есть только любовь к Адольфу. Если от нее откажусь, ничего не станется.

МАГДА Понимаю.

ЕВА И разве может быть иначе? Адольф говорил, что после войны выйдет в отставку, уедет в свой родной Линц, будет рисовать... Но вряд ли он был бы счастлив. Только представьте его в халате и тапочках. *(нервно смеется)* Мне пора. Он злится, когда приходится ждать.

МАГДА У вас все готово?

ЕВА Давно готово. Он застрелится, я приму яд. Наверное, это глупо, но я боюсь уродства, увечья. У меня ничего нет, кроме лица.

МАГДА Мы отправимся следом.

ЕВА Значит, всё-таки — до скорого свидания?

МАГДА Нет, свидания не будет. Если Бог существует, если он милосерден — свидания не будет.

*Они обнимаются.
ЕВА идет к двери, открывает.*

ЕВА Входите, полковник. (*ШТУМПФЕГГЕР входит*) Прощайте и вы.

ШТУМПФ Прощайте, фройлен.

ЕВА Фрау Гитлер, полковник.

ШТУМПФ Ах да, разумеется. Прошу извинить.

ЕВА (*МАГДЕ*) Пусть хоть сегодня в моей жизни всё будет безупречно... (*выходит*)

МАГДА Для нее самоубийство — что-то вроде визита к парикмахеру.

ШТУМПФ Любая немецкая женщина с радостью поменялась бы с ней местами.

МАГДА У вас странное представление о женщинах, полковник. Впрочем, не только у вас.

ШТУМПФ Чем здесь пахнет? Дети играют с бензином?

МАГДА Нет, это игры фюрера. Конфисковал весь наличный бензин в Берлине. Мы думали, у него какой-то секретный план. Оказалось, для погребального костра. Фюрер не желает, чтобы к нему прикасались даже после смерти. Ускользнет из рук врага, уйдет в дым — в самом буквальном смысле.

ШТУМПФ Для шуток тема неподходящая.

МАГДА Это юмор висельников — неужели не поняли?

ШТУМПФ Только умираете не вы, а он.

МАГДА Он первый, а мы – следом. Воспитание не позволяет уйти раньше фюрера... К вечеру бункер превратится в морг.

ШТУМПФ Значит, вы решились?

МАГДА Твердо.

ШТУМПФ Пощадите хотя бы невинных.

МАГДА Они виновны по факту рождения. И вы, доктор, поможете им искупить вину.

ШТУМПФ Нет-нет... я передумал.

МАГДА С каких пор вас затрудняет детоубийство?

ШТУМПФ А вы безжалостны. Даже еврейские матери умоляли пощадить детей, предлагали себя взамен.

МАГДА О, я бы с радостью умерла вместо своих детей. С улыбкой обнажила бы грудь перед штыком — или медицинской пилой? Но моей смерти мало. Чтобы люди навсегда стряхнули этот морок, я должна дать им страшный, незабываемый урок.

ШТУМПФ Делайте как знаете. Только я вам не помощник.

МАГДА Но доктор, это и в ваших интересах. Без детей я не умру. А живая — буду говорить. Клянусь, я расскажу победителям, чем вы занимались во время войны. Все узнают, что вы — душегуб.

ШТУМПФ А вы? Кто дал вам право убивать своих детей?

МАГДА Матери, чьи дети убиты нами. Матери, которые прокляли имя Геббельса.

ШТУМПФ Так поменяйте имя! Вышлите детей из бункера. Пусть станут Гольдшмидтами, Зильберманами...

МАГДА А кто поменяет им кровь? Вы случайно не проводили таких опытов, доктор? Откачайте из них всю кровь. Пусть не останется ни капли Геббельса... и ни капли меня.

ШТУМПФ А вы-то чем провинились?

МАГДА Я верила. Гнуснейшее из преступлений.

С нижнего этажа доносится выстрел.

МАГДА Похоже, это снизу? Конец?

ШТУМПФ Я почти уверен — снаружи...

МАГДА Здесь ни в чем нельзя быть уверенным.

ШТУМПФ Простите. (*выскакивает в коридор*)

Вбегают ХЕЛЬМУТ и ХЕЛЬГА.

ХЕЛЬМУТ Мама, мама, в бункер попала бомба!

МАГДА Нет, милый. Это предателя расстреляли.

ХЕЛЬМУТ В бункер забрался предатель?

МАГДА Его больше нет.

ХЕЛЬМУТ А вдруг другие прячутся?

МАГДА Нет, одного застрелили, другие разбежались.

ХЕЛЬГА А где папа?

МАГДА Скоро придет. Не бойтесь, детки. Мы уезжаем, помните? Туда, где бомбы не падают.

ХЕЛЬГА И бензином не воняет?

МАГДА Нет. Честное слово.

ШТУМПФ (*появляется в дверях*) Германия овдовела.

ХЕЛЬГА Как это овдовела? Страны не женятся!

ХЕЛЬМУТ Женятся только люди.

МАГДА Верно. Многие совершают эту ошибку. Но вы, дети, сразу разглядели обман.

ХЕЛЬМУТ Как платье голого короля?

МАГДА обнимает ХЕЛЬМУТА.

Сцена пятая

МАГДА сидит, глядя перед собой.

Входит ГЕББЕЛЬС.

МАГДА (*не поворачиваясь*) Штумпфеггер подбирает снотворное, чтобы они заснули покрепче. А я мучаюсь: вдруг доза слишком

большая? Вдруг они потом не проснутся? Хотя... Это и есть женская логика?

ГЕББЕЛЬС Магда, ты делаешь себе только хуже...

МАГДА А в лагерях были женщины-охранницы? Если и были, то бездетные. Форма СС уродует не только душу, но и тело.

ГЕББЕЛЬС Придержи язык! Я — новый глава государства.

МАГДА А я — всё, что осталось от государства.

ГЕББЕЛЬС Видел бы меня сейчас отец... Жалкий уродец стал рейхсканцлером!

МАГДА Страна в руинах. Миллионы людей убиты. Твои собственные дети вот-вот... А ты всё пытаешься что-то доказать отцу.

ГЕББЕЛЬС Ты меня никогда не понимала, Магда.

МАГДА Иначе сошла бы с ума.

ГЕББЕЛЬС Дёниц — президент. Борман — министр партии. А я — глава правительства, канцлер!

МАГДА Канцлер на час. Тебя надо занести в книгу рекордов.

ГЕББЕЛЬС Ты права, дорогая. Зачем мне отец, ведь меня ценил сам фюрер!

МАГДА Чего стоит его оценка? Он предал миллионы своих соратников. И даже нас — самых близких.

ГЕББЕЛЬС У фюрера не было близких. Он — выше близости.

МАГДА А как же Ева?

ГЕББЕЛЬС Никогда не думал, что двое могут так сидеть: рядом, на диване, но словно в разных вселенных. Он на одном конце — сгорбился, из виска сочится кровь. Она — на другом, поджала ноги и будто музыку слушает.

МАГДА Надеюсь, что-нибудь лёгкое. Вагнера, которого так любил фюрер, она ненавидела.

ГЕББЕЛЬС Ваза с тюльпанами упала со столика, на платье брызги...

МАГДА К нашему приезду она тоже цветы ставила. Не вспомню, какие...

ГЕББЕЛЬС Камердинер с шофером вынесли тела из бункера, облили бензином. Мы с Борманом стоим в дверях, вокруг рвутся снаряды. Бросили спичку, всё поглотил дым... Я вскинул руку в прощальном салюте и к своему изумлению — то есть, к радости, — обнаружил, что все салютуют.

МАГДА Непроизвольная эрекция — как у повешенных.

ГЕББЕЛЬС Когда дым рассеялся, над останками фюрера восстал столб золотого света... уперся в небо, переливается всеми цветами радуги...

МАГДА Так горит бензин, Йозеф. Не создавай мифа на пустом месте.

ГЕББЕЛЬС Почему на пустом? Человечество испытало нечто подобное только раз — две тысячи лет назад на Голгофе.

МАГДА Да, жаль, что обошлось без траурной церемонии. Тут тебе равных нет, ты устроил бы настоящий цирк. О, эти незабываемые факельные шествия! Воют трубы, стучат барабаны... Шагают колонны верных партийцев, а во главе — рыдающие матери. Потерять дитя — что может быть горше?

ГЕББЕЛЬС А чем плоха смерть? В лоне матери-земли детям ничего не грозит.

МАГДА *(разглядывает его в упор)* Вот я и говорю: смерть — поистине твой конёк. *(все громче доносится музыка)* Что это?

ГЕББЕЛЬС Караульные слушают пластинки.

МАГДА Запрети немедленно! Детей разбудят!

ГЕББЕЛЬС Магда, успокойся.

МАГДА Где Штумпфеггер? Неужели дети еще не спят?

ГЕББЕЛЬС После кончины фюрера охранники и секретарши устроили попойку. Меня тоже звали, но я жду известий от Бормана. Мы послали генерала Кребса к русским — предлагаем мирные переговоры.

МАГДА Но детям уже дали снотворное!

ГЕББЕЛЬС Если переговоры провалятся, действуем по плану. При малейшей надежде — завтра их разбудим, и все.

МАГДА Слишком поздно, пути назад нет!

ГЕББЕЛЬС Ты же сама умоляла оставить их в живых.

МАГДА Я только теперь до конца поняла...

ГЕББЕЛЬС Что именно?

МАГДА Ты по-прежнему веришь в будущее? В искру, из которой возгорится пламя?

ГЕББЕЛЬС Пламя в любом случае возгорится, потому что национал-социализм бессмертен. Враг растоптал нас своими полчищами, но идейно мы непобедимы! Мы просто опередили свое время — наше правое дело воскреснет в потомках!

МАГДА Откуда потомки про нас узнают? Уж тебе-то известно, как хорошо горят книги.

ГЕББЕЛЬС История пишется не в книгах. Она высечена на могильных плитах, застыла в руинах уничтоженных городов. Правду не скрыть.

МАГДА Правду каждый толкует в свою пользу.

ГЕББЕЛЬС Но факты вопиют! Высокий идеал побежден варварством, сверхчеловек — недочеловеком. Однако эта победа мимолетна... Это ошибка, осечка истории. Наполеон тоже был повержен, а теперь он национальный герой. Кромвеля ненавидели, а ныне почитают отцом конституции. Да, историю пишут победители. А потомки — переписывают! Мы дождемся своего часа. Пусть даже век, пусть тысячу лет спустя — но наше знамя подхватят!

БОРМАН (*входит*) Господин рейхсканцлер...

ГЕББЕЛЬС Господин министр...

БОРМАН Кребс вернулся. Русские отклонили наши предложения. Требуют безоговорочной капитуляции.

ГЕББЕЛЬС Капитуляции не будет. Я не допущу второго Версаля. Если русские отказываются, нам нечего терять: известим Дёница о кончине фюрера.

БОРМАН Я сам поеду к нему!

ГЕББЕЛЬС Если успеете.

БОРМАН Дёниц солдат, а не политик. Рядом с ним должен быть человек, который понимает, что такое правительство, что такое партия. Что такое власть.

МАГДА И этот человек — Борман.

БОРМАН Я готов участвовать в восстановлении страны.

МАГДА Вы готовы спасти свою шкуру.

БОРМАН У доктора есть слабое место, ахиллесова пята...
(вспоминает о больной ноге ГЕББЕЛЬСА) уж простите за прямоту...
Он слишком падок на славу. Всегда в центре внимания, в газетах, в куплетах... А мне пресса ни к чему. Сам себе цену знаю. Зато для врага невидим — в воздухе растворюсь!

ГЕББЕЛЬС Растворитесь? Кажется, вы собирались к Дёницу?

БОРМАН Ну да... разумеется.

МАГДА А где ваши дети — в Альпах? С поддельными паспортами, в безопасности?

ШТУМПФ (входит) Господин рейхсканцлер, фрау Геббельс...
Разрешите переговорить наедине.

ГЕББЕЛЬС Говорите при Бормане.

МАГДА Мы всегда говорим при Бормане, даже если думаем, что наедине.

ШТУМПФ Всё готово. Дети крепко спят.

МАГДА О боже...

БОРМАН (МАГДЕ) Отвечаю на ваш вопрос: да, мои дети в безопасности. Опять-таки в отличие от доктора, я свою семью напоказ не выставлял... Прошу извинить, мне пора: пойду распоряжусь насчет затопления метро.

МАГДА Какого метро? Берлинского??

БОРМАН Какого же еще?

МАГДА Но там прячутся люди! Там военные госпитали!

БОРМАН Это задержит продвижение русских на пару часов. Тогда мы успеем уйти.

МАГДА Но погибнут тысячи!

БОРМАН Тысячи предателей. Иного они не заслужили. (*выходит*)

МАГДА Он просто чудовище.

ГЕББЕЛЬС Он стратег, и притом неплохой. Мы потом обвиним в затоплении еврейских вредителей.

МАГДА Потом? Потом мир непременно выяснит, кто истинный вредитель.

ГЕББЕЛЬС В любом случае, сейчас у нас другие заботы. (*ШТУМПФЕГГЕРУ*) Так вы говорите, дети спят?

ШТУМПФ Крепчайшим сном.

ГЕББЕЛЬС Прошлой ночью я зашел в детскую. Смотрю на них – спящие ангелы...

МАГДА А как выглядят ангелы, Йозеф? Нет, серьезно. Вспомни, где произошли библейские события. Ты уверен, что ангелы — голубоглазые блондины?

ГЕББЕЛЬС Это метафора.

МАГДА Зато дети — не метафора. Они — плоть и кровь. Наша плоть и кровь.

ГЕББЕЛЬС Зачем ты меня мучаешь?

МАГДА (*ШТУМПФЕГГЕРУ*) Яд при вас?

ШТУМПФ В саквояже.

МАГДА Приступайте.

ШТУМПФ Ну нет. Я своё дело исполнил. Дальше без меня.

МАГДА Йозеф, прикажи ему. Заставь!

ГЕББЕЛЬС Полковник? (*ШТУМПФЕГГЕР качает головой*) Упрям, как истинный ариец.

МАГДА Тогда ты сам.

ГЕББЕЛЬС Я? Ни за что.

МАГДА Истинные арийцы разбежались по кустам... Ну что ж, подождем, пока дети проснутся и спросят, почему поездка отменилась. Потом ворвутся русские и на наших глазах их убьют — или еще что похуже.

ГЕББЕЛЬС Если ты такая смелая — иди сама.

МАГДА Это безумие. Я не могу!

ГЕББЕЛЬС А я, по-твоему, могу?

МАГДА Ты — другое дело.

ГЕББЕЛЬС Ах да, разумеется, ты у нас — чистенькая... Это ты отсиживаешься в кустах! Воротишь нос от боли и крови. Партийный значок носишь, а грязные дела спихиваешь на меня!

МАГДА Что ж... В кои-то веки ты прав. Искупать вину человек действительно должен сам. Без посредников... Полковник, что надо сделать?

ШТУМПФ В саквояже шесть капсул. Положите им в рот, раздавите между зубов.

МАГДА Как капсулы с рыбьим жиром. Это я умею... Но им не будет больно? Вы клянетесь?

ШТУМПФ Не сомневайтесь. Я лично проводил опыты.

МАГДА О боже, боже... *(выходит)*

ГЕББЕЛЬС *(его бьёт дрожь)* Полковник, расскажите о себе.

ШТУМПФ Что вы хотите знать?

ГЕББЕЛЬС Все равно... что угодно... не молчите.

ШТУМПФ Родился в Вестфалии, в маленьком городке. Отец — пастор...

ГЕББЕЛЬС Лютеранский?

ШТУМПФ Да. Заставил вызубрить библию от корки до корки.

ГЕББЕЛЬС Пригодилось в жизни?

ШТУМПФ Кроссворды легко разгадываю.

ГЕББЕЛЬС Когда-то в университете я сочинил пьесу про Иуду.

ШТУМПФ Мой отец подобное вольнодумство не одобрял...

ГЕББЕЛЬС Научный совет тоже не одобрил. Меня лишили стипендии... Полковник, почему так долго? Может, вы хотя бы пойдете туда?

ШТУМПФ Успокойтесь, господин рейхсканцлер. Скоро будет кончено.

ГЕББЕЛЬС У вас есть дети?

ШТУМПФ Пока нет. После войны планирую жениться. Поселюсь в тихом месте, открою практику, обзаведусь детьми... И научную работу хорошо бы продолжить. Результаты опытов бесценны, жаль если пропадут...

С криком вбегает ХЕЛЬГА.

ХЕЛЬГА Папочка, спаси меня!

ГЕББЕЛЬС Хельга! Что такое?.. Полковник?!

ХЕЛЬГА Она хочет нас отравить! Открыла Хайде рот и что-то впихнула!

ШТУМПФ Ничего не понимаю...

ГЕББЕЛЬС Вы же сказали, что они крепко спят!

ШТУМПФ Должно быть, не рассчитал вес...

МАГДА *(появляется в дверях)* В чем дело, Хельга? Почему ты убежала?

ХЕЛЬГА Папочка, не отдавай меня!

МАГДА Не говори глупостей. Немедленно в постель!
(ШТУМПФЕГГЕР роется в саквояже, наполняет шприц) Все дети должны принять лекарство, чтобы не заболеть в дороге.

ХЕЛЬГА Пускай я заболею! Пускай! Мне нравится болеть!

МАГДА Иди сюда, детка. Доктор сделает укольчик.

ХЕЛЬГА Не пойду. Там воняет! Твой яд воняет!

МАГДА Что??

ГЕББЕЛЬС Успокойся. Она не знает, что говорит.

ХЕЛЬГА Я заболею от твоего яда! (*мечется по комнате; МАГДА и ШТУМПФЕГГЕР пытаются ее поймать, ГЕББЕЛЬС стоит как вкопанный*) Пустите меня! Я никому не скажу! Я убегу насовсем, больше меня не увидите!

МАГДА Мне нужна твоя помощь с малышами. Ты ведь самая старшая, я на тебя рассчитываю.

ХЕЛЬГА Не рассчитывай! Я тебя ненавижу! Папочка, спаси! (*бросается к ГЕББЕЛЬСУ, цепляется за его колени*)

ГЕББЕЛЬС Магда... может быть, Хельгу...

МАГДА Из искры возгорится пламя, Йозеф.

ХЕЛЬГА кричит, МАГДА дает ей пощечину, та смолкает.

МАГДА в ужасе смотрит на свою руку.

ШТУМПФЕГГЕР быстро подходит к ХЕЛЬГЕ, делает укол.

ШТУМПФ Сладких снов... (*ХЕЛЬГА медленно оседает, МАГДА бережно ее подхватывает*)

МАГДА Какая ты стала тяжелая, доченька... Скоро уже не смогу тебя взять на ручки. Пойдем к младшим... Йозеф, осталось недолго. Она последняя. Первая и последняя... Хельга моя... Пойдем с мамой... (*уносит ХЕЛЬГУ*)

Сцена шестая

МАГДА сидит неподвижно, уставившись в пространство.

ГЕББЕЛЬС расхаживает из угла в угол.

ГЕББЕЛЬС Как они изменились... Никогда их такими не видел...

МАГДА (*тихо, монотонно*) Ты никогда не видел их мертвыми.

ГЕББЕЛЬС Я знаю наизусть все ужимки, гримаски... Теперь лица искажены... У Хольды...

МАГДА Умоляю — без имен.

ГЕББЕЛЬС На лицах как будто печать мучений. Неужели им было больно?

МАГДА Они ушли во сне. Им не было больно.

ГЕББЕЛЬС А вдруг было? Магда, Магда, что ты наделала?

МАГДА То, к чему ты призывал немецких матерей — принесла детей в жертву рейху. Или теперь ты находишь, что рейх того не стоит? (*ГЕББЕЛЬС молчит*) Где-то во Франции — кажется, в Савойе — я видела гробницу крестоносца. Гигантский барельеф: сверху он сам с супругой, а внизу маленькие фигурки стоят на коленях — дети молятся у ног родителей. Ты как этот крестоносец — хочешь, чтобы потомки на тебя молились.

ГЕББЕЛЬС Ты оказалась сильнее меня. Склоняюсь перед тобой...

МАГДА Правильно делаешь. Потому что перед тобой, Йозеф, никто не склонится. Даже если историю сто раз перепишут, и останутся одни исправления, дети не будут молиться у твоей могилы. Они будут на ней плясать!

ГЕББЕЛЬС Ты... сошла с ума.

МАГДА Наоборот, прозрела от горя. (*берет нож, приставляет к своей груди*)

ГЕББЕЛЬС Нет, Магда. Не так.

МАГДА Верно... Еще не пора. Осталось одно важное дело.

*МАГДА разрезает платье над сердцем.
Накидывает шаль, зажигает свечу.
ГЕББЕЛЬС наблюдает в изумлении.*

МАГДА “Да возвысится и освятится великое имя его в мире, сотворенном по воле его; и да установит он царскую власть свою при жизни вашей, в дни ваши и при жизни всего дома израиля. И скажем: Амен!”

ГЕББЕЛЬС Магда, опомнись! Что ты творишь?

МАГДА Творю молитву. “Да будет великое имя его благословляемо, и прославляемо, и превозносимо, и почитаемо, и воспеваемо. Благословен он!” Здесь ты должен сказать: Амен! Не скажешь? Ладно. “Да будет он превыше всех благословений и песнопений, восхвалений и утешений, произносимых в мире. Да

будут дарованы с небес прочный мир и счастливая жизнь всему израилю”.

ГЕББЕЛЬС Какая чушь! Замолчи! *(хватает ее за плечи)*

МАГДА Не прикасайся ко мне! Не смей!

ГЕББЕЛЬС Что это за молитва? Откуда ты ее взяла?

МАГДА Отчим научил. Макс Фридляндер. Помнишь его?

ГЕББЕЛЬС Ты читаешь еврейскую молитву над моими детьми?

МАГДА Над всеми детьми... Это каддиш, молитва по усопшим. Во искупление наших грехов. наших преступлений...

ГЕББЕЛЬС Что ты несешь?!

МАГДА Твое будущее уничтожено. Твои идеи растоптаны. Знаешь, что скажут потомки? “Чудовище! Дьявол! Ради своей дьявольской веры умертвил собственных детей!”

ГЕББЕЛЬС Я — дьявол? Что в таком случае скажут о тебе?

МАГДА Надеюсь, меня поймут... А может, тоже проклянут навек. Такова расплата за душегубство...

ГЕББЕЛЬС Молчи, убью!

МАГДА Не советую, испортишь эффектный финал. Пусть нас обоих застрелит солдат СС. Рейсхканцлер и его супруга рука об руку отправляются в ад... Потомки будут в восторге.

ГЕББЕЛЬС Ты бредишь. Думаешь, победила меня?

МАГДА В конечном итоге — да, победила.

ГЕББЕЛЬС Хельмут, Хельга, Хайда, Хольда!

МАГДА Не надо...

ГЕББЕЛЬС Хельмут, Хельга, Хайда, Хольда! Больно тебе?

МАГДА Невыносимо.

ГЕББЕЛЬС Хельмут, Хельга, Хайда, Хольда! А еще двое? Не помню... Хельмут, Хельга, Хельга, Хельга! *(МАГДА в слезах)* У меня было много врагов. Но никто не подбирался так близко...

МАГДА Злейший враг — тот, кого любишь без памяти. Кому веришь слепо.

ГЕББЕЛЬС Что я тебе сделал?

МАГДА Спроси лучше: что ты сделал миру? Помолись со мной. “*Да возвысится и освятится великое имя его в мире, сотворенном по воле его...*”

ГЕББЕЛЬС Замолчи!! (*хватает нож, приставляет ей к горлу*)

Входит БОРМАН.

БОРМАН Простите, не помешал? (*усмехается*) Зашел бы позже, да время поджидает.

ГЕББЕЛЬС Что вам нужно?

БОРМАН Хотел сказать, что солдат готов.

ГЕББЕЛЬС Благодарю. Мы тоже. Почти.

МАГДА Борман, вам пришлось приказать, чтобы нас расстреляли? Или от желающих отбою не было?

БОРМАН Восхищаюсь вашим мужеством. Не думал, что вы на такое способны. Вот моя Герда — образцовая жена, но заикнись я об убийстве детей, встанет на дыбы.

МАГДА Пойдет против мужа?

БОРМАН За детей порвёт. Тигрица!.. Чуть не забыл: как поступить с их телами? Бензина-то немного. На вас должно хватить. Может, останется канистра-другая...

МАГДА Нет, их не сжигайте. Пусть останутся целыми. Йозеф, прошу тебя.

ГЕББЕЛЬС Твоя просьба крайне неразумна...

МАГДА Борман, вам случалось бывать в Савойе?

БОРМАН Не случалось. (*ГЕББЕЛЬСУ*) Чего это она — заговаривается?

ГЕББЕЛЬС Тела детей не сжигать. Это мой последний приказ. Поклянись исполнить.

БОРМАН Не сомневайтесь.

ГЕББЕЛЬС Скажите солдату, что мы ждем снаружи, на пороге. Моей супруге нужен глоток свежего воздуха.

БОРМАН Понял.

ГЕББЕЛЬС И вам проще — не придется вытаскивать наши тела наверх. Полагаю, рабочих рук и так не хватает.

БОРМАН Да, готовим прорыв из бункера.

ГЕББЕЛЬС Желаю успеха, Борман.

БОРМАН И вам того же... Вы, доктор, человек учёный, теоретик. По-вашему, за идею следует умереть. А я — практик. Я буду ради идеи жить! Уверен — так победим. (*жмет ГЕББЕЛЬСУ руку*) Фрау Геббельс... (*подносит руку МАГДЫ к губам*)

МАГДА Мои руки пахнут кровью.

БОРМАН (*принюхивается*) Нормальный запах. (*целует руку, выходит*)

МАГДА Что ж, пора.

ГЕББЕЛЬС Пора.

МАГДА Надеюсь, палач не промахнется.

ГЕББЕЛЬС Он эсэсовец.

МАГДА Я и говорю: палач.

ГЕББЕЛЬС Тебя следовало оставить в живых. Отдать русским.

МАГДА Мои показания навредили бы партии.

ГЕББЕЛЬС Верно. Теперь ты замолчишь навсегда.

МАГДА Но я успела крикнуть!

ГЕББЕЛЬС Думаешь, потомки тебя услышат? И простят? Бедная, глупая Магда... Если меня проклянут, то тебя и подавно. Мы оба в заложниках у истории...

МАГДА Пусть история и рассудит.

*ГЕББЕЛЬС надевает и застегивает пальто.
Надевает шляпу, не торопясь натягивает перчатки.
Поворачивается к МАГДЕ, предлагает ей руку.
Она медлит, затем берет его под руку.
Они выходят.*

Тишина.